

АЛЕКСАНДР ПРОКОПОВИЧ

СПЕЦНАЗ ЛЫСОЙ ГОРЫ



БОЕВАЯ
ФАНТАС-
ТИКА

Александр Александрович Прокопович

Спецназ Лысой Горы

Серия «Детектив с
Лысой Горы», книга 2

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=239792*

*Спецназ Лысой Горы: АСТ, Астрель; Москва, Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-17-063113-1, 978-5-9725-1681-0*

Аннотация

Его дом – на полпути между Лысой Горой и Княжеским
Замком.

Его любовница – ведьма.

Его друзья – гвардейцы Великого Князя.

Его враги... Не стоит завидовать его врагам, даже если у них
есть танки и ракеты средней дальности.

Знакомьтесь: Алекс Каховский. Герой. Работа такая.

О грядущем Конце света слышали?

Это из его биографии.

Содержание

Часть первая	4
Пролог	4
Глава первая	13
Глава вторая	18
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Глава пятая	34
Глава шестая	39
Глава седьмая	45
Глава восьмая	54
Глава девятая	62
Глава десятая	69
Глава одиннадцатая	76
Глава двенадцатая	83
Глава тринадцатая	93
Глава четырнадцатая	101
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Александр Прокопович

Спецназ Лысой Горы

На всякий случай.

Автор действительно поклонник Глена Кука.

Примерно в той же степени, в какой Кук обожает Рекса Стаута.

Но не ищите на страницах этой книги ни Гаррета, ни Арчи Гудвина.

Часть первая

Княжеский гамбит

Пролог

Проблема в том, что каждое следующее предательство всё менее эффективно.

Из найденного письма Брута Цицерону

Стража не должна ходить бесшумно. Она предназначена для другого. Мерное позвякивание кольчуги, сопровождаемое шарканьем, успокаивает вернее любого «в Багдаде всё спокойно».

Князь Ярослав не спал. В отличие от человека нормаль-

ного, просыпающегося от шума, он проснулся от тишины. За пятнадцать лет его жизни тишина обнаружила себя впервые.

Уже что-то случилось, но отчаянно не хочется в это верить. Если бы князь потерял еще несколько драгоценных минут, пытаясь уверить себя, что волноваться не о чем, – его, скорее всего, убили бы прямо в спальне. Быть может, в подвалах Замка. Ярослав решил не дожидаться этих «скорее всего» и «быть может».

Когда тишина, наконец, была нарушена шумом стремительно приближающихся людей, обвешанных оружием, Ярослав уже спускался по стене Печерского Замка.

Литовской княжне Лоретте – самой молодой жене старого князя Владимира и по совместительству его безутешной вдове – не повезло. Наследник сбежал.

* * *

Странно воевать в собственном городе. Как-то неловко. Несколько тысяч слонов в посудной лавке старательно пытаются убить друг друга, не причиняя при этом вреда фарфору и фаянсу. Новые времена были непонятны и нехороши. До сих пор смена головы под короной волновала исключительно очередного монарха. Предыдущий уже не волновался. Мертвые вообще довольно хладнокровны...

Княжне Лоретте не просто не везло, её везло не в ту сторону.

Так бывает. Кажется, делала всё, как должно: запаслась клинком, подождала, пока Великий Князь уснет покрепче. Ударила – нож по самую рукоять. На этом процесс передачи короны должен был закончиться.

Вероятно, все дело в переходном возрасте – в пятнадцать лет мальчики, даже если они наследники престола, страшно непредсказуемы и чересчур подвижны.

Лоретта считала, что введенный накануне в город полк литовских улан должен решить и эту проблему. Не решил. Не помогли даже колдуны, приписанные к уланам. К тому же Младшая Хозяйка – властительница одного довольно большого холма в черте города, верхушка которого начисто лишена растительности, – была не в восторге от пришлых колдунов. Ведьмы вообще довольно болезненно реагируют на чужаков. Ведьмы Лысой Горы и сама Младшая Хозяйка – не исключение.

Ошибка думать, будто титул «Младшая» связан с тем, что Хозяйка способна создавать только маленькие неприятности. Просто есть еще и Старшая Хозяйка. Или была. У ведьм всё так неопределенно...

Князь Ярослав не думал о ведьмах. Скорее всего, он вообще не думал. Князь спустился с Замковой горы, чтобы подняться к Золотым воротам, у которых располагалась комендатура.

Княжна Лоретта в комендатуре наследника не искала. На

месте Ярослава она бы сбежала в какое-то другое место – далекое от хорошо вооруженных людей и дверей с крепкими засовами. Либо молодой князь был глуп, либо наивен, либо князю так положено думать. Что-нибудь о том, что пусть не все, но некоторые из людей, присягавших отцу, должны остаться верны сыну.

Майор Яковлев устал. Будучи человеком профессионально кровожадным, он спокойно принял бы весть о том, что князь Ярослав умер от неведомой болезни или заблудился в подвалах Замка, в конце концов – просто исчез. Начальник киевской гвардии был твердо убежден в том, что ему в принципе вредно знать, что именно происходит за стенами княжеского Замка. Но пока в его кабинете сидел худенький юноша, почти мальчик, по имени Ярослав – и майор Яковлев устал от попыток ответить самому себе на вопрос – почему он до сих пор не арестовал князя?

Майор, уже раз пятнадцать обошедший свой кабинет по кругу, вот-вот должен был пойти на шестнадцатый, когда у него и Ярослава появилась компания. Человек в мундире Киевской Короны. Золото на зеленом, двойная стрела на кокарде.

Майору было нехорошо. Зайти к нему без доклада мог Великий Князь и сильный ветер. Всё. Проблема была в том, что именно этот зашедший, чтобы обойтись без такой формаль-

ности как доклад, вполне мог предварительно перебить пять отделений гвардии, располагавшихся в комендатуре. Первый Меч Лысой Горы – боевой маг, правая рука Младшей Хозяйки – снял с себя традиционный радужный плащ, чтобы продемонстрировать свою лояльность Киевской Короне. Надо понимать, что лояльность простиралась не только на Первого Меча, но и на просто мечей – подчиненных Первого, так себя называла гвардия Лысой Горы – лучших бойцов этой части света. И, само собой, на ведьм, без прямого приказа которых мечи не делали никогда и ничего. Ночь была полна сюрпризов. Яковлев выглянул в коридор – гвардия всё еще существовала. Тела были подвижны, вооружены и ожидали гнева майора.

На рассвете, когда Лоретта наконец узнала, куда сбежал наследник, у ворот комендатуры появились два взвода литовских улан, чтобы убедить Яковлева сделать невозможное – выдать наследника, который в этот момент в сопровождении Первого Меча и мечей не первых поднимался по склону Лысой Горы к замку ведьм.

К моменту дружеского визита улан Яковлев успел поднять по тревоге гвардию, в том числе и роту королевской стражи, недосчитавшуюся после ночной смены троих бойцов, что после рассказа молодого князя уже не стало неожиданностью.

Глядя с привратной башни на посланцев Лоретты, Яковлев подумал, что ему никогда не нравились литовки, даже

если они настолько красивы, что могут соблазнить Великого Князя. Вероятно, закон сохранения отыгрался на уме княжны, раз она решила общаться с собственной гвардией с помощью наемных войск.

Армия не должна быть умной. Какой угодно, но не умной. У тупой армии не развито воображение, и это позволяет ей не мучить себя всевозможными нелепыми «а что, если...» Иногда тупость незаметно перерастает в стойкость. Тупая армия хороша и тем, что во времена, свободные от сражений, не начинает маяться от скуки, что в случае войска с повышенным интеллектом рано или поздно кончается военным переворотом. Армия Киева была идеальной. Армия осталась верной безутешной вдове Лоретте. Гвардия присягнула молодому князю.

Армия, литовские уланы и колдуны – с одной стороны; гвардия и Лысая Гора – с другой. Проблема была в том, что обе стороны сражались за власть над городом, жителей в котором с каждым днем становилось всё меньше. Пока страх дороги перевешивал. Но с каждым разрушенным домом, с каждой шальной смертью поток беженцев увеличивался. Еще несколько месяцев противостояния – и воевать будет не за что... Победителю достанутся развалины и сомнительное счастье отстраивать целый город.



На проклятом холме, страдающем манией величия и потому называемом Лысой Горой, каждый был занят важным делом. Я – не важно бездельничал.

Кажется, эта война была специально придумана для того, чтобы я не мог попасть в свою квартиру. Линия фронта проходила как раз через мой дом. С каждым днем этих маневров мысль о том, что война ведется вовсе не за киевский трон, а просто чтобы досадить мне, становилась всё сильнее и убедительнее.

Наверное, мирным жителям тоже было несладко, но эту несладкость – попасть под руку Лоретте или Князю – они могли заполучить, не выходя из дома. Воякам было всё равно. Если и есть дома, которые не жаль покинуть, то это казармы. Ведьмы же и вообще вели войну на значительном удалении и преимущественно чужими руками. Как обычно.

И только у несчастного Алекса Каховского, в смысле у меня, не было ни дома, ни казармы. У человека, который выдернут на Лысую Гору лично Младшей Хозяйкой, вообще проблемы с количеством счастья, но я в таких случаях привык делать так, чтобы в дело вступали руки и ноги, а голова была занята исключительно обзором местности, дабы обеспечить рукам и ногам верное направление.

Обо мне забыли решительно все. Алисе – хозяйке моего

пока еще не сожженного дома, не повезло – она оказалась со мной в одном путешествии. Вследствие чего – тоже волею ведем – была доставлена на Гору и странным образом моментально оказалась пристроена к делу. Судя по дошедшим до меня слухам, Алиса занимала должность то ли квартирмейстера, то ли интенданта... То есть человека, по воле которого ночлег в не самом комфортном помещении может с легкостью превратиться в ночлег под открытым небом, что зимой не радует совершенно.

Мой ученик растворился среди гвардейцев и мечей. Данила ко мне в ученики попал как раз из этого проклятого места, фактически – спустился с Горы. Его карьера боевого мага печально закончилась, так и не начавшись, из-за одной твари, насухо выжимавшей магию из каждого, кто попадался ей под руку. Под руку ей попала и Младшая Хозяйка, что явно было перебором. Тварь этой встречи не пережила, а Данила, уже не годящийся в мечи, стал моим учеником.

В конуре, которую мне отвела Алиса, Данила появлялся лишь для того, чтобы рассказать очередную новость. В моем положении любая новость подтверждала лишь одно – детектив Алекс не нужен решительно никому. Даже Голубой Дракон – кот, доставшийся мне в наследство после одного дела, и тот посещал меня лишь изредка – и только для того, чтобы похвастаться своими охотничьими трофеями. О посещениях я узнавал по запаху. Мыши со свежескрученными шеями пахнут. Сильно.

Ко всему прочему, у меня кончился табак, на Лысой Горе не пили ни пива, ни чего-либо крепче, а значит, всё, что мне оставалось, это спать, есть и бродить по Горе, делая вид, что я занят чем-то более важным, чем подсчет собственных шагов. Сегодня мне оставалось до красивого числа десять тысяч буквально несколько минут, когда рядом с моими шагами начали отчетливо прослушиваться чужие. Вероятно, я мог бы заметить, что больше не один, на несколько кругов раньше, если бы меньше интересовался отпечатками собственных следов. Чужие я просмотрел.

– Учитель...

Есть такая интонация, которая соединяет в себе некую форму извинения, сочетающуюся с упрямым содержанием. Данила владел ею в совершенстве.

– Мои уши еще не утратили дара переправлять в сторону черепа твои слова... – Даниле понадобилось почти четыре шага, чтобы все-таки решиться продолжить:

– Нас ждут.

Все-таки человек – удивительное создание, именно в этот момент я начал находить в своем прозябании на Лысой Горе определенные прелести. Я приблизительно догадывался, кто меня ждет и что за этим последует. Абсолютно точно, что не пройдет и пары дней, как я буду вспоминать свое безделье как высшую и притом совершенно недостижимую награду.

Глава первая

Шанс для пушечного мяса

*Призыв в армию – лучший способ заставить человека бесплатно сделать то, что в обычной жизни, он не сделал бы ни за какие деньги.
Из пособия военно-экономической академии*

По этой лестнице я уже один раз спускался, что наводило на мысль о необходимости отыскать свой фамильный герб и внимательно его рассмотреть. Отец ничего мне не рассказывал о золотых граблях, но, по-видимому, он просто не задумывался, что это за перекрещенные палки с зубьями в центре семейной реликвии. А может, просто не хотел расстраивать сына? Интересно, как звучал девиз? «Удар неизбежен»?.. Прошлый раз я спускался в недра замка ведьм, чтобы затем оказаться в славном городе Москва. Покинул я бывшую столицу когда-то необъятной Родины в тот тонкий момент, когда моя одежда уже занялась, а кожа все еще не загорелась. С тех пор я всегда сижу несколько дальше от всевозможных очагов и каминов, чем того требует простое нежелание закоптиться.

Когда я первый раз попал на эту лестницу, мне показалось, что она заканчивается достаточно глубоко, чтобы задача вырыть подземный ход до Америки не выглядела безна-

дежной затеей. С тех пор ступеней не стало меньше.

Может, не всё так плохо в моей квартирке, и что с того, что линия фронта проходит где-то между спальней и кухней?

Данила уже сделал первый шаг по лестнице... Не мог же я отставать от ученика!

После первого шага ничего не произошло, мне понадобилось спуститься еще на три ступеньки, чтобы перестать понимать – лестница передо мной или дорога, вымощенная узкими плитами. Кажется, зрение, а вместе с ним и все остальные органы чувств обманывали меня каким-то очень специальным приемом – я шел по совершенно плоской поверхности, с каждым шагом все больше чувствуя себя марафонцем, у которого внезапно открылось не то что второе, а сразу тридцать второе дыхание... Мне понадобилось усилие, чтобы вовремя остановиться. В прошлый раз я спустился на два марша ниже, чем требовалось, что вызвало удивление Младшей Хозяйки. Интересно, почему Данила еле тащится?

– Алекс, ты меня пугаешь... По этой лестнице обычно передвигаются чуть медленнее...

Меньше всего мне хотелось бы видеть напуганной Младшую Хозяйку. Когда ведьмы пугаются, они, как правило, довольно быстро и решительно уничтожают причину своего страха.

– Спешил...

Быть может, кто-то другой на моем месте и ввернул бы

что-нибудь из коллекции причин, по которым мужчина может спешить на встречу к даме. Я – промолчал. Иногда у Младшей Хозяйки напрочь выключается чувство юмора.

– Со стороны это смотрелось как чудо.

Голос, произнесший эту фразу, не принадлежал Младшей Хозяйке. Он не принадлежал и Первому Мечу, который достаточно ожидаемо стоял за спиной у Хозяйки.

– Мы знакомы?

Моя природная воспитанность отказывает мне исключительно в тех и только тех случаях, когда она может пригодиться. Нужно было очень сильно поработать над содержимым собственной черепной коробки, чтобы не догадаться, что за юноша может находиться в кабинете-келье Младшей Хозяйке и при этом подавать голос, не получив предварительно высокого согласия.

– Князь? – Надеюсь, в моем голосе была достаточная доза раскаяния...

Легкий кивок подбородка намекнул мне, что впервые в жизни я нахожусь в одном помещении с царствующей особой... Ну, с учетом обстоятельств, наполовину царствующей.

– Лейтенант, Младшая Хозяйка порекомендовала вас в качестве советника и телохранителя. Вы будете сопровождать меня в нашей экспедиции.

Это не зависть. Это обстоятельства: некий молодой человек, родившийся в семье, представители мужской линии которой почти никогда не умирали своей смертью, точно знал, что я буду делать. Стоило ему произнести слова, как они тут же начинали становиться делом. Это вид колдовства. Вероятно, именно за колдовство отца Ярослава и убили.

Завтра лейтенант Алекс Каховский и две роты королевской стражи отправятся к хутору Михайловскому. То есть отправится князь Ярослав, а мы просто будем сопровождать юношу, чтобы ему не было тоскливо брести каких-то триста шестьдесят километров туда и, если сильно повезет, – столько же обратно.

Завтра, примерно в то же время, к тому же хутору, но с противоположной стороны, отправится другой князь – Великий Князь Московский Порфирий.

Если Ярославу ничто не помешает вовремя прибыть на место встречи и произвести правильное впечатление на Порфирия, то в Киев он уже вернется вместе с союзником – и Лоретте придется срочно искать город, в котором князья водятся в меньшем количестве.

План Младшей Хозяйки (почему-то мне подумалось, что план принадлежит именно ей) был всем хорош, если не задумываться о том, что:

– Порфирий может оказаться ничем не лучше Лоретты, а вдвоем с Лореттой они точно будут хуже, чем она одна; – триста шестьдесят километров до точки встречи еще нужно преодолеть, причем милая сердцу киевская брусчатка тянется совершенно в другом направлении.

Ну и, наконец, о личном. Я все никак не могу забыть о том, что во время моей последней встречи с Порфирием, который тогда еще не был Великим Князем, он пытался меня привселюдно сжечь на костре. Трудно поверить, но это воспоминание буквально обжигает.

Вероятно, меня должно радовать, что я опять лейтенант. Если бы вместе со званием мне отдали мое родное Костяное отделение, командовать которым мне доводилось во время службы и иногда после нее, – радость была бы куда искреннее. Увы, надеяться на то, что всю черную работу сделает кто-то другой, на этот раз не приходилось. На войне как на войне. Хорошо хоть рассказали, для чего я нужен, – редкое везение для пушечного мяса.

Глава вторая

Прощание славянки

*Во время падения с десятого этажа страхом
высоты можно пренебречь.*

Из учебника «Занимательная психология»

Когда-то, довольно недавно (примерно за неделю до того, как мой еще не дедушка познакомился с моей еще не бабушкой), всё изменилось. Как это часто бывает во время глобальных изменений, то, что казалось мелочью, со временем стало главным, главное же, напротив, со временем забылось. Мелочью казалась Большая Стена, в одночасье возникшая из ниоткуда, то ли по прихоти неизвестного военного гения, то ли просто потому, что наступил восьмой день творения. Главным казался обмен достижениями научного прогресса. В данном случае это означало: а покажи-ка, на сколько частей разделяются твои боеголовки! Обмен проходил между Россией и Северо-Атлантическим блоком.

Большая Стена появилась как раз в тот момент, когда стало понятно, что огромное количество людей совершенно зря получали зарплату. Боеголовок было явно больше, чем нужно. Впрочем, с учетом того, что Россия предпочла раскрасить картину происходящего асимметричным ударом сейсмической бомбы где-то в районе тектонического разлома

в глубинах Атлантического океана, безработица еще очень долго будет недостижимой мечтой нового мира.

Только после возникновения Большой Стены обмен достижениями был закончен, и дальше одна шестая суши и весь остальной мир наконец-то пришли к согласию. Согласие было прочным, как раз настолько, насколько прочна была Стена, а она была прочнее всего, что до ее появления было известно человечеству. Впрочем, успевших опасть разделенных боеголовок как раз хватило на то, чтобы всё изменилось. Во всяком случае, с нашей стороны Стены. Выжившее население – примерно каждый десятый – продолжало нести потери, с трудом противостоя мутациям собственного вида и пытаясь выцарапать право на жизнь у многочисленных видов животных и растений, мимо которых мутация тоже не прошла. Кроме всего прочего, население напрочь потеряло охоту к промышленным революциям, вернувшись к временам доэлектрическим, и кто знает, сколько бы времени продолжалась эта идиллия, если бы среди мутантов не стали всё чаще появляться существа, наделенные силой, которую принято называть магией, просто потому, что другие названия не прижились. В стране, где правят маги и ведьмы, приходится несладко и ученому, и монаху. Тяжело быть Ньютоном, когда любой из трех законов то и дело дает сбой. Совсем непросто быть инквизитором, если ведьмы отвлекаются от таких важных вещей, как насылание порчи на домашний скот, и принимаются непосредственно за инквизиторов.

Несмотря на достаточное количество радиоактивных осадков и по ту сторону Стены, то есть там, где остались развалины Вены, Берлина, Парижа, Лондона и Нью-Йорка, магия в тех краях если и усилилась, то сделала это скрытно, не бросаясь в глаза. Вероятно, потому, что с младенцами на Западе обращались в духе старинной спартанской традиции – проверяли прочность новорожденных черепов ударом о древние скалы, если этот череп хоть на йоту не вписывался в жесткие нормы.

Запад, несмотря на потери, довольно быстро начал восстанавливаться, и уверенность в собственной избранности омрачал лишь старый-новый кошмар о Железном Занавесе. Теперь он стал реальностью. И если раньше всяк желал, чтобы он наконец раздвинулся, то нынче этого всяк боялся. Что именно может появиться из-за Большой Стены на Западе, не знали, но издавна ничего хорошего с Востока не ждали.

Я бы и сам не ждал. Если в немногочисленных городах с нашей стороны жить было достаточно безопасно, то появляться за пределами населенных пунктов было желательно не поодиночке и очень ненадолго. Конечно, небольшая армия могла спокойно катиться по просторам Руси, не встречая сколько-нибудь значимого сопротивления. Но даже этого слабого сопротивления вполне хватило бы, чтобы где-то к середине пути главнокомандующий вдруг понял, что небольшая армия превратилась в довольно маленькую, и вообще совершенно необязательно командира взвода называть глав-

нокомандующим.

За городом селились колонии вампиров, за городом можно было увидеть встречника и иногда после этого остаться в живых. Можно было научиться находить верные тропки... Мутации и магия сделали каждое живое существо на этой земле не просто опасным, но «опасным внезапно».

Впрочем, существовали караваны. От Киева до Ростова, от Одессы до Москвы – целые города медленно ползли по причудливо изогнутым маршрутам – от села к поселку, от поселка к хутору, по дорогам, умасленным кровью и потом. И хотя за десятилетия всевозможная нечисть научилась не приближаться к дорогам, каждый вернувшийся караван был удачей. Ожидаемой, но удачей. А караван, вернувшийся без потерь, был чудом. Земля снова нашла в себе силы, впервые за много лет, прогнуть человека под себя.

В распоряжении у князя Ярослава будут всего две роты стражи, а также я, мой ученик и мой кот. Идти нам предстоит не караванным проверенным путем, а по прямой – таково условие Великого Князя Московского Порфирия. Близ хутора Михайловского надлежит быть ровно через десять дней и десять ночей, притом после перехода наш отряд должен выглядеть достаточно достойно, чтобы Порфирий уважил власть Ярослава. Возможно, молодому киевскому князю было бы лучше не покидать своей опочивальни.

Глава третья

Легкие против тяжелых

Никто не знает, чем закончится поединок слона и кита, однако совершенно точно известно, что должен сделать биатлонист, чтобы победить боксера.

Из секретных глав Олимпийской хартии

Прелесть пеших прогулок может так и остаться не известной человеку, который несет на себе пару десятков килограммов за плечами и к тому же ошибся с компанией. Я предпочел бы верхом, но маршрут, который мы выбрали, мог запросто стать любимым у лошадененавистников. Трасса, будто специально созданная для переломов непарнокопытных конечностей.

К своему ученику Даниле, насвистывающему что-то, отдаленно напоминающее «Прощание Славянки», я привык. Иногда мне кажется, что и он ко мне привык тоже. Что касается Толстикова – капитана королевской стражи – к нему, боюсь, так и не смогла привыкнуть даже его собственная мать. Толстиков был вторым человеком среди направившихся в поход, который был лишен жестокой необходимости нести на себе что-то, кроме оружия. Первым был князь Ярослав, но это я был готов понять и принять. Толстикову же явно не помешали бы еще сто граммов поклажи: примерно

столько весит намордник.

К моему несчастью, капитан пытался держаться поближе к Ярославу. С учетом того, что мне, штатному телохранителю, приходилось держаться рядом с тем же объектом, Толстиков постоянно оказывался на расстоянии руки, плотно прижатой к телу. Ненавижу.

Радовало, что близость к патрулям Лоретты заставляла капитана разговаривать шепотом. Хотя – кого я обманываю? Если патрули не услышат этот хрип, их обязательно обдаст слюной – по крайней мере я уже даже не пытался уворачиваться – бесполезно.

– Алекс, зачем ты увязался с нами, я же знаю, ты специалист по розыску домашних зверушек. – Сип, который раздался напоследок, вероятно, должен был означать смех шепотом. Объяснять капитану королевской стражи, что поиск четвероногих – лишь частный случай в моей карьере частного детектива, – бесполезно. Думаю, сам капитан не смог бы найти затерявшуюся животину, даже если это будет его собственный любимый плюшевый мишка. Рассказывать о своей службе в гвардии – тоже непродуктивно, королевские стражи не понимают, как можно быть приличным бойцом, не оттачивая ежедневно строевую подготовку. И в самом деле, в лесу, куда мы сейчас направляемся, без строевой подготовки никуда. На улицах Киева строевая подготовка тоже хороша только в дни праздников, если, конечно, нет какого-то не известного мне приема этой дисциплины, помогающего

скрытно передвигаться по городу.

Лейтенант Костяного отделения Алёхин, единственный известный мне представитель человеческого рода, одинаково преуспевший и в строевой, и в боевой подготовке, любит развлекаться, ловя стрелы на лету. Рука, которой он сотворяет это чудо, одета в специальную толстую перчатку, а стрелять он доверяет только Марату – лучнику от бога, мастеру, который может послать стрелу с нужной скоростью в нужное место. Сейчас нам предстояло проделать фокус куда проще по исполнению, но куда более болезненный. Мы будем ловить стрелы всем телом, а кому особо не повезет – головой.

С ночью нам не повезло – лунная, безоблачная, и все это на фоне недавно выпавшего снега. Примерно с такой невезухой сталкивается заяц-беляк, раньше времени сменивший окрас. Толстиков перестал сипеть. Он командовал. Его мама очень долго подыскивала себе партнера для зачатия будущего капитана – такой командирский голос можно вывести только путем целенаправленной случки самых голосистых особей на протяжении нескольких поколений.

Огромные щиты сомкнулись, закрыв стражу и Ярослава. В первые секунды атаки мы потеряли несколько человек. Еще десятеро были ранены. Для этих поход уже был закончен. Мой кот Голубой Дракон, который только что терпеливо сносил соседство капитана и его обильное слюноотделение, исчез, вероятно, решив, что это не его драка. Вот так всегда – коты мудрее и быстрее нас.

Обстрел – это плохо, но это только начало беды. Толстиков, конечно, попытается продвигаться под огнем и даже уже начал ответный обстрел, только с такими темпами передвижения уланы Лоретты явно успеют на помощь к своим арбалетчикам куда быстрее, чем Толстикову удастся выйти из-под огня.

На счет «раз» – через вдох после того, как бойцы капитана выпустили очередную порцию кровожадных малюток с перьями и железными наконечниками, – десять метров до угла я пробежал не то чтобы очень быстро – во всяком случае, никто не хлопал в ладоши и не бежал вручать мне медаль. Быстрее я мог, только если бы кто-нибудь отвесил мне хорошенького пинка на старте. Теперь, когда арбалетчикам Лоретты понадобится несколько секунд, чтобы переместиться к другому карнизу, можно почти спокойно добраться до арки дома. Самое дорогое, что у меня есть, – мое тело – осталось без дырок, Данила, рванувший вместе со мной, – отделался царапиной. Щиты – в землю, дальше они будут только мешать. Посмотрим, насколько хороши литовские арбалетчики в ближнем бою.

Подняться на крышу, отдышаться, теперь главное – поймать ритм – не спеша и не мешкая, войти в движение, как в воду. Первый встреченный нами арбалетчик фактически умер от удивления. Интересно, а чего он ждал от людей, которых только что пытался пристрелить? В ближнем бою арбалет куда менее удобен, чем в стрельбе с крыши по прохо-

дящим внизу целям. Еще двоих нам с Данилой удалось удивить чуть менее скоро, что, конечно, тут же сказало. Если бы болт пролетел на пару сантиметров ниже, моему черепу представился бы случай доказать, что он и впрямь так непробиваем, как об этом думают некоторые мои достаточно близкие знакомые.

Мой план по ликвидации не предусматривал затяжных боев с превосходящими силами противника – все должно было быть быстро и эффективно. Вероятно, литовцы попались недостаточно заторможенные или просто из другого анекдота. Когда им надоест тратить боеприпасы на дымоход, за которым мы спрятались, они поменяют диспозицию и постараются приготовить блюдо под названием «Алекс, нафаршированный арбалетными болтами».

Я не успел подумать о том, что в этот момент делает Толстиков. Зачем думать, когда все и так слышно? Оказывается, отличие между тяжело– и легковооруженными действительно существует. Князь Ярослав смог увидеть это отличие собственными глазами в исполнении королевской стражи с одной стороны и арбалетчиков с другой. Исход был понятен с момента появления стражи на крыше. Это как раз тот случай, когда получаешь удовольствие, хотя знаешь, чем всё кончится.

Кстати, кажется, я оказался неправ насчет Толстикова. Сработали мы как по нотам. Теперь между нами и Батыевыми воротами – лишь десяток вражеских трупов и пара квар-

талов. Будем надеяться, помощь, вызванная арбалетчиками, прибудет уже после того, как мы покинем город.

Глава четвертая

Пойдешь налево...

С учетом того, сколько человек из ста психически нормальны, норма – это извращение с хорошим пиаром.

Из пособия по теории статистики

Не думаю, что, когда Батый, отчаявшись вломиться в Киев через Золотые ворота, решил войти в город с другой стороны, он догадывался, что пролом в стене назовут в его честь отнюдь не благодарные потомки. Как бы то ни было, ворота имени великого монгола остались позади. Пока дорога была милостива к нам – мы шли по остаткам брусчатки среди развалин когда-то огромного города. Растениям было трудно пробиться к солнцу сквозь камень, бетон и кирпич, иначе нам пришлось бы идти сквозь чащу. Правда, те же развалины, мешающие жить флоре, дали убежище многочисленной фауне, ведущей преимущественно ночной образ жизни. Счастье, что для большей её части одного рева Толстикова было вполне достаточно, чтобы наш отряд мог чувствовать себя здесь в полной безопасности.

Хуже нет – двигаться после боя. Наши раненые могли смело считать себя счастливыми. Как раз в тот момент, когда мы всё дальше удалялись от таких вершин цивилизации,

как настоящая постель и горячая пища, они должны были их вот-вот достигнуть. Медперсонал Лысой Горы – среди которого не было замечено ни мужчин, ни уродин, – делал эту цель еще более желанной. Единственным пострадавшим, оставшимся с нами, был Данила. У него странное понимание ученичества. Вероятно, он считает, что я всё еще могу его чему-то научить, иначе чем можно объяснить его убежденность в необходимости защиты своего учителя? Голубой Дракон появился в пределах досягаемости сильного и быстрого удара ногой так же незаметно, как исчез накануне нападения арбалетчиков. Наверное, надеется, что мы привлечем внимание особенно большой и вкусной крысы.

Солнце встретило нас на берегу Днепра – у самой кромки льда. Любая ночь пытается все скрыть. Но только зимнее утро все обнажает так безжалостно. Нет жизнерадостной зелени и прочего разноцветья. Развалины, лишённые всякой романтики, остаются всего лишь развалинами, пустыри даже не пытаются притвориться веселыми лужайками. Снег? Снег украшает всё живое и уродует всё мертвое.

Лед в эту зиму был достаточно толстым, чтобы даже самый тяжеловооруженный стражник не опасался повторить судьбу пса-рыцаря. Нам предстояло добраться до левого берега и пройти еще пару километров, прежде чем придется свернуть с дороги. У развилки стоит трактир «Левобережный» – примечательный тем, что это первое обитаемое стро-

ение за городской чертой. Не знаю, что заставило хозяина дать ему такое название, то ли полное отсутствие фантазии, то ли глубинное чувство юмора. На левый берег власть Киевской Короны не распространяется. Это не значит, что, хорошенько разозлив князя или ведьм, достаточно пересечь Днепр, чтобы очутиться в безопасности. Гвардия или отряд мечей найдут обидчика, даже если на это придется потратить не один год. Другой вопрос, если речь идет об обидах, нанесенных простым горожанам. В этом случае преступник может быть абсолютно спокоен. Настолько, насколько можно быть спокойным на левом берегу. Кстати, уверен: минимум каждый второй беглец из Киева непременно останавливался в этом трактире. По крайней мере, если бежать он решил на восток. Может быть, в названии «Левобережный» больше смысла, чем это представляется на первый взгляд?

* * *

Если женщина, открывшая ворота трактира, – жена хозяйина, то я понимаю, почему трактирщик предпочитает жить за пределами города, но не понимаю, почему так близко. И, кстати, где груды тел убитых на дуэли за право снискать взгляд этих зеленых глаз? Неужели в этих местах снега намело достаточно, чтобы скрыть это побоище?

Судя по тому, что даже Толстиков перестал пыхтеть, – весь наш отряд думал примерно об одном и том же.

– Вы, наверное, совсем?

У нее и голос замечательный. На вопросы, заданные таким голосом, можно не отвечать – тогда есть шанс, что вопрос будет повторен – всё тем же чудесным сопрано.

– Или вы заходите, или я закрываю ворота.

На этот раз сопрано молчало, свои условия диктовал баритон, и внешность его обладателя дала ответы на все мои вопросы. Конечно – те же зеленые глаза, и даже черты лица те же, только всё это раз в пять больше, и туловище совершенно пропорционально лицу. С троллями всегда так – как рассказывал мне мой приятель Григорян, большой любитель пива, книг и всевозможных историй, – такой расклад по размерам не случаен. У тролля-мужчины имеется специальная кожаная складка, типа сумки у кенгуру, в которой он, если нужно, прячет свою спутницу и детей. В принципе, это, наверное, лучше, чем оставлять женушку дома и не знать, чем она там занимается, пока ты на работе.

Странно устроены мужские организмы – самая прекрасная женщина еще вчера вряд ли была бы способна обогнать даже кружку пива в рейтинге мужских предпочтений нашего отряда. Сегодня мы не способны отличить тролльчиху от женщины, и, если бы не муж-тролль, не думаю, что происхождение хозяйки трактира кого-то смутило бы.

– Алекс, а вот как у них так получается – он такой большой, она такая маленькая... – Вот ведь не узнает капитан Толстикова ответ на свой вопрос и проживет всю жизнь в му-

ках.

– Капитан, а вы не думали, что, может, под одеждой он не такой и большой или она не такая и маленькая...

Ну вот – воображение Толстикова занято до конца нашего похода. Мне – хуже. Боюсь, мое воображение сейчас будет внушать мне, что я так же накормлен, как стража. Накормить две сотни голодных мужиков – задача, достойная целого вывода троллей, и выводок явно справлялся с ней успешно.

Умение предвидеть не всегда на пользу. Пир горой – в общем зале на первом этаже, а комната князя – на втором. Второй этаж – на самом деле не этаж вовсе, а небольшой балкончик для нескольких комнат и коридорчика с перилами. Данила, стоит справа у дверей комнаты Ярослава – спокоен, как удав на пенсии.

Я стою слева и очень хорошо себе представляю, как всё приготовленное съедается и выпивается и как лейтенант Алекс мучительно пытается заснуть на пустой желудок. Еще этот запах...

В бою всё как-то проще – выжить и постараться убить как можно больше противников. С караульной службой у меня всегда были натянутые отношения.

– Данила, ты бы пошел – поел, а? Я думаю, с пустым коридором я и сам справлюсь.

– Учитель?

Сейчас главное – правильно посмотреть на Данилу. Кажется, получилось. Я поднял на Данилу лицо, в котором

постарался на корню удавить любую эмоцию. «...А самое страшное видели – лицо мое, когда я абсолютно спокоен?..» Действует безотказно. Одним мучеником стало меньше. Данила уже был на полпути к блаженству, мои же страдания увеличились безмерно. Всё из-за блюда размером с небольшой стол, которое приближалось ко мне только для того, чтобы тут же скрыться в комнате князя. Жареная картошечка с лучком и, кажется, утка. Я даже не обратил внимания на хозяйшку, умудрившуюся скрыться за всем этим великолепием.

Запах прошел мимо и растворился в покоях князя. Трольчиха вышла и подленько так улыбнулась. Могла бы хоть косточку принести сторожевому псу.

– Лейтенант?

– Да, ваше высочество? – Вероятно, хочет, чтобы я ему салфетку повязал или что там еще полагается во время княжеской трапезы.

– Алекс, не присоединишься? А то мне самому не управиться, заодно присмотришь, чтобы на меня дичь не набросилась.

Не так плоха караульная служба, как мне это казалось. Особенно когда караульный устав вдруг отменяется.

Глава пятая

Варианты для князя

*Если хорошенько присмотреться, лучший выбор
– лишь лучший из доступных.
Из дневника Дон Жуана*

Прелесть еды в том, что можно достаточно долго находиться за столом даже с князем, молчать – и в то же время никого не обидеть. Голод только начал отход на заранее подготовленные позиции, а Ярослав уже потерял всякий боевой задор. Ничего – зубы наголо – враг должен быть съеден...

– Почему именно вы? – Князь явно не ценил молчание, а может, его раздражает мое чавканье?

– Что – я? – Иногда я умею моментально отреагировать и в то же время не сказать глупость. Если не знаешь, что ответить, – уточняй вопрос.

– Почему Младшая Хозяйка отправила именно вас? Вы – частный детектив, пусть даже довольно известный, пусть даже в свое время отслужили в гвардии. Почему не мечи, почему не пару ведьм или не Костяное отделение?

Что значит неправильное воспитание. Мне вопросы, начинающиеся на слово «почему», в голову не приходят. Если сказали идти к черту на рога – спрошу параметры рогов, чтобы подготовиться как следует.

– Есть варианты, князь. Первый – нет необходимости в ведьмах, мечех или гвардейцах. Второй – если вдруг с нами будет что-то не так, Хозяйка не хотела бы потерять что-то и вправду ценное. Ну и третий – а вдруг, с точки зрения Лысой Горы, Алекс – это лучшее, что у нее есть для вашей безопасности?

– Есть еще один вариант. – Князь откинулся на подушки дивана. – Младшая Хозяйка хотела бы потерять князя и в то же время сделать это с соблюдением всех приличий...

Я бы тоже с удовольствием откинулся на какие-нибудь подушки, жаль, табуретка, на которой я сидел, если и предусматривала откидывание седока, то только с целью получения сотрясения мозга.

– Если бы ведьмы хотели от вас избавиться, им было бы достаточно просто не принимать вас на Лысой Горе, разве нет? Я, правда, не совсем понимаю, для чего они это сделали. Думаю, с Лореттой они бы в любом случае договорились, несмотря на ее колдунов.

– А вдруг они решили, что я в качестве Великого Князя лучше подхожу Киеву?

Странно устроен наш город. Точнее, до сих пор он был устроен очень даже обычно. Корона решала свои вопросы, главный из которых заключался в исправном выбивании налогов из населения в обмен на относительный порядок на улицах и защиту от внешних угроз. Прелесть этого порядка была в том, что, заплатив налоги, горожанин знал: больше до

него властям нет никакого дела. Так же, как и горожанам не было никакого дела, кто именно в этом году носит корону и как именно закончил свои дни предыдущий монарх.

Теперь всё поменялось. Лоретта не справилась с домашним заданием – Ярослав выжил, и за это расплачивается весь город. Вполне возможно, что сам факт выживания Ярослава, юноши, который всерьез думает, что может править, и от этого кому-то станет лучше... – худшее, что могло случиться с Киевом.

– Князь, спасибо за угощение, я, с вашего разрешения, пойду – осмотрюсь? Меня сменит Данила, если что – он за дверьми.

– Я надеюсь, лейтенант, никаких «если что» сегодня ночью не произойдет.

Этот тон, само построение фразы явно были чужими. Ее автор был старше, и, скорее всего, именно он имел неосторожность заснуть в одной постели с Лореттой.

– Всё будет хорошо, князь, я послежу за этим...

Почему-то я твердо знал, что приложу все силы, чтобы у этого до смерти напуганного юноши все-таки был шанс стать нашим монархом. Вероятно, кровь покинула мой головной мозг, чтобы плавно отлить к желудку, где всю шла работа по перевариванию ужина. И кстати, чем можно объяснить тот факт, что мне всё время хотелось назвать князя сынком?

Данила занял место у дверей князя, Толстикова расставил

остальные посты, а я расположился в комнате, выделенной мне и капитану, чтобы попытаться как следует выспаться. «Как следует» – значит, попробовать за два часа выспаться так, как обычные люди это делают за восемь. Задача привычная – привычно невыполнимая. На этот раз в ней присутствовала особая пикантность – храп капитана. Если у храпов есть категории, то у этого была категория «быстро сматывайся отсюда».

Голубому Дракону было лучше – он мог себе позволить заснуть где угодно и в любое время суток.

В последнее время он приобрел отвратительную манеру изображать манто у меня на плечах. Получалось довольно тепло, но несколько тяжелее, чем хотелось. Сейчас он не спал, раз за разом пытаясь расположить свою тушку у меня на пути. В отличие от обычного кота, попытки добиться, чтобы я об него споткнулся, не были намеком на то, что он хочет есть, пить или просто привлечь мое внимание. Скорее всего, ему действительно было любопытно увидеть мое падение.

Местом, максимально удаленным от покушений кота и храповой угрозы, был камин на первом этаже трактира. Кресла, стоящие рядом с ним, не были предназначены для сна, но я был уверен, что это меня не остановит.

– Наливочки перед сном не хотите?

В этом кресле, отодвинутом мною на приличное расстояние от ласкового пламени, отказаться от наливки было невозможно.

– Если только она не заставит меня проспять свою смену.

– Я вас разбужу...

Огромный хозяин трактира двигался абсолютно бесшумно и... совершенно не пугал. Кирпичи странного зеленоватого оттенка, из которых был сложен камин, придавали пламени и всему, что оно освещало, тот же странный оттенок.

Решивший далеко не отпускать меня Голубой Дракон, осмотревшись, занял позицию между мной и троллем.

– Необычный кот и необычный хозяин... Кажется, он пытается о чем-то предупредить меня? – Кружку с наливкой тролль передал мне только благодаря длине своих рук, не решившись пройти мимо кота.

– Что за кирпич?

– Любой дом нашего народа начинается с камина. Камин всегда делают из осколков зеленого камня, как бы далеко от него нас ни занесло... Память о родных местах. Пламя в камине горит всегда – зимой, летом. Так повелось...

– Никогда не слышал о зеленых камнях... О *таких* зеленых камнях. Вероятно, нести их пришлось издалека, и это был не самый легкий груз...

– Я не только выгляжу большим, Алекс.

– Я представлялся?

– Твой кот представился за двоих.

Глава шестая

Защита и благодарность

Шоу-бизнес продолжил свое развитие после изобретения смертной казни только потому, что в Средние века не было телевидения.

Из монографии «Телевидение: ужас-ужас!»

Троль не обманул. Наливка была крепкой, сладкой, а мой сон настолько глубоким, что, разбуженный через два часа, я не совершил попытки убить существо, решившееся на этот безумный поступок. Оно и к лучшему. Тролля довольно трудно убить.

Как оказалось, еще труднее уговорить тролля поделиться рецептом. Видно, собирался вот-вот запустить линию по производству этой жидкости, а тут – ясное дело, будущий конкурент.

Не то чтобы мне никто никогда не отказывал, просто чаще я прошу о том, что и так отдать не против... Это был явно не тот случай.

Выбравшись из трактира, капитан Толстиков сориентировался по карте и уверенно указал направление в сторону леса. Думаю, он решил идти по прямой. В королевской страже других маршрутов не знают. С точки зрения стражи, круг –

это прямая, только довольно толстая – вид с торца.

Прорубаться сквозь частокол пуши – это что-то особенное. Одно дело – размахивать мечом, прокладывая себе дорогу сквозь хлипкие лианы. А вот попробуйте перерубать стволы и ветки нашего леса. И снег. Чтобы, не дай бог, мы не перегрелись, он щедро облеплял с головы до ног, падая с крон потревоженных деревьев, бросаясь под ноги бесконечными сугробами. То, что позади нас сугробов было меньше, было вызвано вовсе не тем, что они растаяли, – мы уносили их на себе. Скорость передвижения отряда уже уступала черепашьей, на очереди были улитки.

В рубке ветвей нет упоения. Они не устают, никогда не сдаются и напрочь лишены страха. Хуже того – совершенно невозможно предсказать, когда они, наконец, закончатся. Бойцы сменяли один другого, тупя мечи и забивая мышцы, а чаша всё не отступала.

После часа упорных трудов мы продвинулись метров на пятьсот. В принципе, с такими темпами можно Ярослава запросто отправить обратно в трактир, чтобы он в тепле дождался, когда мы прорубим достаточно длинную дорогу для будущего Великого Князя. Сам трактир был из-за деревьев не виден, только высокая, сложенная из красного кирпича труба. Я не в первый раз глядел на эту трубу, но только сейчас до меня дошло, что в ней не так. Для довольно холодного зимнего дня труба, из которой не идет дым, выглядит

достаточно странно. Если добавить к этому рассказ тролля об очаге, который горит и зимой, и летом, странность просто-таки зашкаливала.

– Ваше высочество!

Князь тщетно пытался согреться с помощью неизвестной жидкости, хранившейся во фляге. Судя по обилию блестящих камней на этом сосуде, стоил он примерно как все мои гонорары за ближайшие сто лет.

– Вы только что вспомнили, что взяли с собой ковер-самолет?

– Увы, я только что сообразил, что с нашим трактором что-то неладно...

Ничем другим, кроме ненависти к рубке деревьев, я не могу объяснить тот факт, что уже через пять минут трактор был окружен по всем правилам военной науки. Стараясь не потревожить два десятка лошадей, в том числе впряженных в огромную фуру, полторы сотни бойцов были готовы продавить двери парадного и черного хода. Сопротивление дверей оказалось единственной проблемой, с которой нам пришлось столкнуться.

У погасшего камина, связанные по рукам и ногам, лежали тролль и его супруга. Еще несколько человек лежали так же неподвижно. Очень трудно шевелиться с оторванной головой. Оставшихся в живых – десяток мужичков угрюмого вида – мы оторвали от довольно вялых попыток отловить от-

прысков-троллей. Бандитов было почти что жаль. Тролли – ценный товар на рынках рабов, но их цена чаще всего оказывается слишком высокой. Оставшиеся в живых нападавшие, потерявшие много сил и здоровья в драке с троллями, могли двигаться, но медленно и недолго – как они собирались добираться в таком состоянии до ближайшего невольничьего рынка, осталось загадкой.

Всё, что могло быть разломано в трактире, было разломано в щепы, всё, что могло быть разбито, превратилось в осколки. Кроме заветного бочонка. Думаю, пришедшаяся мне по вкусу наливочка – это как раз то, что было нужно троллю-папе и троллю-маме.

Киевская Корона работорговлю не признает. Поэтому тролли стали свидетелями зрелища, которое нечасто можно увидеть за пределами больших городов. Дедушка Гарик – мастер на все руки, кузнец, столяр и к тому же отличный боец, был взят в нашу экспедицию не для этого, однако виселица у него получилась – загляденье.

В полевых условиях пришлось обойтись без табуреток, люков – всё просто и эффективно. Скромная буква «Г» у дороги и десяток перекинутых веревок. Еще проще было воспользоваться ближайшим деревом, но Ярослав посчитал, что именно виселица метрах в ста от трактира должна послужить символом торжества закона. Наверное, не очень красиво, но точно заставляет задуматься. Резкий рывок, от которого ло-

мается шея, – пожалуй, это наиболее гуманный способ повешения. Данила отвернулся. Я бы и сам отвернулся, но репутацию надо беречь. А вот Голубой Дракон был в явном восторге: ну где найдешь еще такую забаву – десятки болтающихся ног. Конечно, их повесили, чтобы развеселить моего кота...

Вероятно, это было дружеское похлопывание. Я отлетел всего на полтора метра. Как они умудрились его все-таки скрутить?

– Алекс, почему вы вернулись?

Троль прав. Нам незачем было возвращаться. Что с того, что дым не валит из трубы...

– Я рассказал про обычай твоего народа князю, и он решил, что обычаи хороши только тогда, когда их не нарушают...

– Когда я заливал очаг, я ни на что не надеялся... Князь очень добр...

Пожалуй, десять трупов, болтающихся у дороги, если бы могли, приняли участие в дискуссии о доброте Ярослава.

Небольшое землетрясение прервало мои мысли. Троль решил привлечь внимание князя падением на колени.

– Как могу отблагодарить? И могу ли просить защиты?

Это хорошо, что между князем и троллем было расстояние. Реакция могла быть разная. Мог с испугу и мечом воспользоваться. Защиты у Ярослава точно еще не просили. Не знаю, как насчет благодарностей... Но голова у князя рабо-

тала в правильном направлении.

– Плати дань – получишь защиту. Плати дань – и не нужно другой благодарности...

С учетом того, что мне дань никто платить не собирался, бумажка за пазухой с рецептом секретной наливочки – нехудшая благодарность за спасение тролльей шкуры. Думаю, Григорян попробует – будет плакать, как младенец, отпив глоток и понимая, что следующий зависит только от моей доброй воли. До знаменательного момента предстояло еще немного пройтись, но ради слез этого пожирателя пива можно и потерпеть.

Трактир остался достаточно далеко, чтобы мы уже не смогли заметить ни дыма, ни его отсутствия. Но и не глядя я точно знал, что еще через несколько дней над трубой взойдет штандарт молодого князя, который вместе с виселицей послужит нехитрой, но надежной защитой для тролля. Плохо то, что сегодня я тоже решил сразиться с деревьями. Кучность флоры снизилась, и прорубаться стало значительно легче, но еще несколько дней в том же темпе, и можно будет смело возвращаться домой – все равно не успеть.

Если бы я выбирал этот нехитрый маршрут... Скорее всего, я бы его не выбрал. Я остановился бы и подумал, как выкрутиться... Королевская стража упорно шагала вперед. К следующей зиме мы точно будем у цели.

Глава седьмая

Ночь длинных рук

Самые ужасные вещи чаще всего происходят при ярком свете солнца.

Из надписей на манжетах графа Дракулы

Ноги болят дико, но это неважно. За этот переход мы прошли столько же, сколько за предыдущие два дня, а главное – лес вот-вот кончится. Как раз вовремя – сумерки уже затопили округу и с каждой минутой сгущались, чтобы стать тьмой.

С детства у меня всегда так. Когда всё хорошо – не хорошо. Не умею вовремя радоваться. По периметру лагеря уже весело трещали факелы, стража развернула княжеский шатер, капитан Толстиков выставлял караулы, а я все не мог заставить себя расслабиться и занять свое место рядом с князем. Голубой Дракон оккупировал стратегически выгодную позицию на входе в шатер – тело в тепле, голова в холоде – и смотрел на меня, единственного, кто оставался вне лагеря, явно давая понять: дураков видел, такого – никогда.

Что-то меня напрягало в этой полянке. Не полянка – друг человека. Мирно журчащий ручеек, пробивающийся сквозь корочку льда, ни одной кочки, снежок – как слой пудры. Не из-за осадков, а так, для марафета...

– Данила!

Вот моего ученика полянка не напрягала. Иначе он двигался бы чуть быстрее мухи, попавшей в кисель.

– Учитель, присоединяйтесь!

Что меня бесит, так это манера Данилы обращаться с оружием. Меч, пусть он трижды в ножнах, не подпорка и не костыль. Вероятно, Данила считал, что так он смотрится страшно воинственно – любопытно, сколько времени ему понадобится на то, чтобы в случае чего вытащить меч?

Почему мозги включаются всегда так поздно? Меч Данилы внезапно вошел в землю, как в масло, Данила падал и что-то кричал, только кричал он не один – весь лагерь сошел с ума... Это, наверное, всё-таки были руки – руки больных великанов – мертвенно-бледные, длинные и чудовищно сильные. Если бы не свет факелов – можно было бы решить, что взбунтовалась сама земля. Однажды мне пришлось видеть караван, утонувший в земле, внезапно ставшей жидкой. Кошмары перестали меня мучить совсем недавно.

По всему лагерю – то там, то здесь – целые пласты земли обрушивались вниз, а их место занимали руки-щупальца.

Мой кот заорал, разом перекрыв весь шум, и, кажется, стал раза в два больше. Рука, появившаяся рядом с ним, в мгновение ока стала красной – в следующую секунду она отлетела, отрубленная мечом Ярослава. Я не успел порадоваться за князя. Не знаю, была ли появившаяся рядом рука осиротевшей подружкой отрубленной или просто шедшая мимо

конечность, но князь был ею повален на землю, и меч, который он выронил, был так же бесполезен, как и меч Данилы, бесславно утонувший в земле.

Я был не на поляне, и это давало мне определенную надежду дойти до князя и не оказаться в досягаемости этих ручищ. Ну, в смысле – когда видишь картину в целом – иногда появляется шанс... Я еще думал о том, как и под руку не попасть, и князя выручить, а сам уже вышагивал, стараясь не вступить в одну из ям, из которых эти самые руки выросли... Где-то сзади Данила, подобравший чей-то меч, пытался отмахаться. То, что я успел увидеть, наводило на мысль, что шансов отрубить себе ногу у Данилы больше, чем отрубить вражескую руку, думаю, примерно то же сейчас происходило по всей поляне...

Тактика рук была нехитрой, но эффективной – повалить и утащить в одну из дыр. Был еще один вариант, и лучше бы я о нем так и не узнал – где-то в метре от меня молоденького стражника разорвали пополам... Наверное, не могли разобраться, в какую именно сторону тащить. Князю повезло – две пары рук сосредоточенно, не обращая внимания на все потуги Ярослава, тащили его в одну сторону – в ближайшую нору.

Голубой Дракон был явно не согласен с разворачивающимся сценарием и снова повторил свой трюк, вцепившись одновременно всеми имеющимися в наличии когтями и клыками в одну из держащих Ярослава рук. То ли князь у

него вызывал симпатию, то ли руки показались ему особенно большими и мускулистыми крысами. К моменту прибытия спасательной команды в моем лице князь уже был в состоянии свободно передвигаться – руки, только что державшие его, предпочли заняться увлекательным делом – ловить кота. Забава довольно сомнительная: кто поймает, получает в качестве приза изрядное кровоупускание.

Главное правило детства – «лежачего не бьют» – наложило на меня неизгладимый отпечаток. Не то чтобы я брезговал добить неприятеля, просто приучен я бить в то, что передо мной, а не подо мной же. Особенно неприятно было понимать, что если оно схватит, то выпустит, разве что вырвав кусок меня же.

Иногда лучше не размениваться по мелочам. Конечная цель любой драки – избавиться от противника, иногда этого можно добиться без помощи оружия. То есть противник в одном месте, а ты в другом – достаточно далеко от первого. Достигается с помощью быстрого бега. Нас преследовали не особо охотно. Я до сих пор так и не увидел, к чему они прикреплены, но что-то же должно командовать руками. И это что-то явно лучше справлялось с малоподвижными предметами. Курс на край поляны я выбрал так, чтобы с одной стороны князя был я, а с другой – кот, который сеял панику среди не приспособленных к таким соперникам рук. Где-то к середине нашего длинного пути, то есть шагов через десять, князь пришел в себя настолько, что подобрал меч одного из

затащенных в нору стражников. Еще через несколько шагов Ярославу пришло в голову, что нужно срочно остановиться и принять бой. Плохо, когда сомневаешься в умственных способностях будущего монарха. К счастью, попытка захвата княжеской ноги очень быстро наставила Ярослава на путь истинный. Примерно за два удара меча, которые потребовались на то, чтобы освободиться от этого захвата. Еще через пару перерубленных рук и перепрыгнутых дыр мы оказались в безопасности.

С горем пополам стража понемногу унавоживала поляну кровью подземных тварей. Голубой Дракон, вымотанный, но, кажется, довольный, задрал хвост, с видом добородинского Наполеона ходил по краю поляны, явно мучаясь дилеммой – еще или достаточно.

Рядом с Данилой всё, что могло шевелиться, было либо мертво, либо умирало. Парень неплохо потрудился и теперь пробирался к нам. Где-то на противоположном конце поляны разносились команды капитана Толстикова.

Раздавшийся грохот разом оборвал всё. Поляны просто не стало. В свете нескольких оставшихся гореть факелов угадывалась огромная яма, в глубине которой можно было различить неясное шевеление.

Вероятно, это зрелище повредило мой разум, иначе – зачем бы я стал прыгать вниз? Два раза удариться головой во время одного спуска – много для моего роста. С возрастом я стал бережно относиться к целостности собственного чере-

па. В этот раз – не вышло. Спасибо факелам и спасибо луне – все-таки хоть что-то было видно. Зрелище было не из приятных, даже когда были видны только руки этих существ. Целиком же они выглядели – даже при скудном освещении – отвратительно. Несуразно огромные верхние конечности, прилепленные к тщедушному телу и уж совсем крохотным ногам. Зато голова соответствовала чудовищным рукам. Почему-то подумалось, что в такой голове должны быть достаточно крупные челюсти.

Постепенно то тут, то там начали раздаваться стоны. Вероятно, как раз в тот момент, когда казалось, что стража сделала свое дело, твари просто полностью уничтожили крышу своей пещеры – и весь наш отряд благополучно рухнул вниз.

Я пошел на стон, который доносился из места, где по моим расчетам должен был находиться Данила. Особо не разглядывая, ухватился и поволок тело подальше от приближающихся теней. Тени не хотели отставать, им хотелось стать более осязаемыми. А между тем стоны кончились. У меня были серьезные сомнения, что просто все решили отдохнуть.

Не знаю, есть ли чемпионат по тяганию оглушенных бойцов, но я чувствовал в себе силы протянуть Данилу еще метров сто и прийти к финишу первым. К сожалению, стена ямы совершенно не похожа на финишную ленточку и рваться под натиском моей спины явно не собиралась. Ребята с крепкими руками уже были на расстоянии «сейчас начнется». Что ж, когда-то это должно было случиться – почему не сейчас,

когда передо мной троица уродов, а у ног кулем валяется бывший ученик. Диплом об окончании образования у Алекса Каховского Данила, скорее всего, получит посмертно.

Хорошо – сзади ко мне не подойти – сзади стена и какая-то веревка сверху спускается, мешает смотреть. Кстати, веревки из земли не растут, да еще под таким странным углом. Пока уродцы выбирали, кто первый попытается затупить лбом мой меч, я успел пропустить веревку под мышками у Данилы и даже подергать – авось сверху догадаются. Вероятно, медленный подъем Данилы одновременно послужил сигналом к атаке. Ну да – с челюстями я не ошибся. Зубы острые, а вот глаз, кажется, вовсе нет. Впрочем, зачем глаза с такими руками и челюстями: всё, до чего дотянешься, тащи в рот – рано или поздно в желудок попадет что-то съедобное.

Зря я надеялся, что мне предстоит просто отрубить им руки. На этот раз в руках были короткие металлические предметы с острыми краями – мечи не мечи – скорее, ножи. С учетом длины рук, они могли орудовать и бритвами. С точки зрения «кто кого достанет первым» – шансы у нас были равные.

Данила всё же успел подняться достаточно высоко, когда питекантропы наконец определили, кто из них самый тупой. Теперь, чтобы убедиться в его ущербности, достаточно будет пересчитать количество пальцев на его руках – сейчас их оставалось не больше пяти на обеих. Все-таки плохо, что дурные примеры заразительны, – двое решили повторить его

поступок, а я всё так же оставался в одиночестве...

Каждый раз поражаюсь... Ну хоть однажды мне придется участвовать в честном бою – один на один, под взглядом очаровательной дамы, можно десятка очаровательных дам?.. Как это они до сих пор не додумались кинуть в меня чем-то тяжелым и острым? Веревка снова волшебным образом очутилась где-то в районе моих глаз. Вероятно, имелось в виду, что я сейчас одной рукой схвачу веревку, а второй непременно буду продолжать фехтовать. Неужели это князь так развлекается?

Крик, раздавшийся над головой, не дал ответа на мой вопрос. Кричали громко, надсадно, что-то неприличное, князь же разговаривал тихо, не повышая голоса, и, кажется, таких выражений вообще не знал. На всякий случай я все-таки отскочил в сторону. Мало ли что может прилететь сверху после таких криков. Прилетел здоровый булыжник. Такому, наверное, под силу произвести впечатление даже на череп одного из подземных уродцев. Только упал он не на череп, поэтому впечатление было несколько смазано. Впрочем, за первым проследовал второй, а затем и третий, и как-то это отвлекло тварей от меня. Теперь можно было хвататься за веревку. И пусть сверху ее никто не тянул – я поднялся на поверхность с хорошим временем.

Идти почти вслепую по лесной тропике – глупо, но мы не останавливались, пока тропинка вдруг не влилась в доволь-

но широкую дорогу. Почему-то это показалось достаточным поводом решить, что мы в безопасности.

Еле выскочив из ямы рукастых уродов, вновь я туда не прыгнул. И не потому, что у меня не хватило бы на это дури. Просто там было тихо. Слишком тихо, чтобы было кого спасать.

Прошло три дня, мы потеряли весь отряд и практически остались без припасов. Лоретта сейчас казалась мне довольно милой. В конце концов, какая из жен не мечтала прирезать своего благоверного?

Мы не выставляли караул. Точнее, я не вызвался караулить. Сил хватило только на то, чтобы развести костер и убедиться в его свете в несмертельности наших ран. Заснул я, мечтая о тепле и том моменте, когда рота гвардии в сопровождении ведьм во всеоружии появится у чертовой ямы.

Глава восьмая

Всё дело в снеге

*Известное зло – не так велико. Чтобы
рассказать, нужно выжить.
Из записок хранителя музея НКВД*

Солнце – великолепная вещь. Всё видно, при этом абсолютно даром, а лучшие полгода еще и греет. Только глаза я просто так не открою. Потому что вдруг мне всё это не приснилось. Вдруг мрачные питекантропы, перебившие весь наш отряд, – это не кошмарный сон, а кошмарная реальность.

– Лейтенант, просыпайтесь!

Его высочество снизошло до побудки простого смертного. Глаза открылись без моей команды, в отличие от меня они уважали голубую кровь. Судя по тому, что я увидел, князь тоже побывал в моем кошмаре. На что тогда похож я? Вероятно, на что-то среднее между князем и Данилой. Князь был просто бледен, а вот цвет лица моего ученика был отчетливо синим. К этому добавилось упорное нежелание просыпаться. Кажется, для моего ученика кошмар еще не кончился. Никогда не видел, чтобы несколько порезов приводили к таким последствиям. Единственное, что приходило в голову, что Данилу не просто порезали, но порезали чем-то отрав-

ленным... Когтями?

Еще больше меня напугал кот. Голубой Дракон упорно делал вид, что Данила превратился во что-то чрезвычайно опасное и в любой момент агрессивное. Как еще понимать то шипение, которое издавал кот, стоило ему в своих хаотических передвижениях оказаться достаточно близко от Данилы...

– Мне нужны чистая вода, тепло и уверенность в том, что я могу снять кольчугу без риска для жизни... тогда я смогу попытаться что-то для него сделать...

Добавь князь: «Еда, женщина, пиво», – и для картины полного и окончательного счастья не хватало бы разве что красивого заката.

Если я ничего не путаю, мы должны были находиться неподалеку от одного из городков, мимо которого регулярно ходят караваны. Чужих там не любят, но сразу не убивают. Сначала дают шанс потратить наличные. Если по дикому стечению обстоятельств мы вызовем у местных симпатию, нас, обчистив как липку, отпустят и даже пригласят приезжать еще.

Будь на месте князя кто угодно другой, я бы пошел на разведку, а его заставил бы пока соорудить носилки. Другого на месте князя не было, и мне пришлось делать волокуши из подручного материала, князь был умницей и не мешал – и мы обошлись без разведки.

Первый раз за всё время нашего похода я порадовался то-

му, что на дворе зима. Думаю, по земле я бы волочил Данилу медленно и недолго. По снегу получалось довольно шустро и без напряжения.

– Алекс, а ведь ведьмы с вами не промахнулись...

– Не торопитесь. То, что вас не убили вчера, только увеличивает ваши шансы быть убитым сегодня. А ведь достаточно было попросить кого-нибудь отрезать мне ноги – и я не попал бы в этот поход, а оставшуюся жизнь мог бы провести, не вставая с кресла. Почему я так не сделал?

– Лейтенант, у вас приступ жалости к себе?

– Нет. Разве мне есть о чем жалеть? Я не ранен, мой ученик до сих пор жив, а компанию мне составляет сам князь Ярослав. Пожалуй, большинство людей этого мира просто умерли бы от зависти, окажись они на моем месте.

– Меня учили, что подданный счастлив умереть за своего государя...

– Судя по тому, что Лоретта правит половиной Киева, а вы – мной и Данилой, ваши учителя несколько преувеличивали.

– Вчера вы рисковали жизнью ради меня.

– Я на службе, это другое. Обычный горожанин бывает не пуглив разве что по глупости. Те герои, о которых вам рассказывали, просто слабоумные, со счастьем, замерзшим на лице.

– А как вы тогда назовете тех, кто на нас напал?

У меня было достаточно времени, чтобы подумать об этом. Может быть, более чем достаточно.

– Я бы назвал их людьми-крысами, или, если хотите, – людьми-кротами. Мы не просто попали в их ловушку. Мы еще и сделали всё, чтобы ловушка оказалась смертельной.

– Мне не показалось, чтобы кто-то что-то делал... Вы – бросились меня вытаскивать с этой лужайки, кажется, еще до того, как что-то случилось...

Надо же, день сменил ночь, а князь всё еще помнит – Алекс Каховский что-то для него сделал. Я, кстати, тоже помню, чем обязаны этому почти мальчику и Данила, и я. Меня не учили, что князь должен быть счастлив, спасая своих подданных, но мысль кажется довольно логичной.

– Князь, все дело в снеге. Не может быть, чтобы снега на отдельно взятой полянке было меньше, чем в среднем по лесу, – так не бывает, да еще и таким тонким ровным слоем. Поэтому я и напрягся. Я думаю, эти твари кормятся забредшей на водопой живностью. Причем сильно сомневаюсь, что они метут всё подряд. Иначе они бы уже повыбивали всё, что тут водится, и готовились бы тихо умереть с голодухи. А мне не показалось, что мы имели дело с дистрофиками... Твари, судя по всему, ночные, к сопротивлению не особо привыкшие. На их и на нашу беду мы не успели уснуть. Если бы они атаковали чуть позже, мы бы только утром узнали, что не все дожили до утра, а потом собрались бы и двинулись дальше, не понимая, что произошло. Наткнувшись на сопротивление, они пошли в атаку и перебили всех... У них и выхода другого не было. Если бы мы были чуть мудрее... Надо было

просто отступить. Всё. За нами даже погони не было. Видно, твари предпочитают не высовываться из своих нор.

– Почему же вы, Алекс, вначале были столь умны, что не вышли на поляну, затем столь верны, что бросились мне на помощь, а затем столь глупы, что бросились спасать Данилу?

– Не знаю. Только чаще всего я стыжусь умных поступков, горжусь глупыми, а верность – это просто правило игры.

Волокуша не стала легче, зато князь замолчал. Вероятно, он вспоминал всё, чему его учили, и пытался понять, что из этого соответствует действительности. Я мог полностью отдать себя процессу доставки Данилы до пункта назначения.

Шаг, потянуть, еще шаг, снова потянуть, впереди только снег, и кажется, что всю свою жизнь я только то и делал, что шагал и тянул. Всё работало само: мозг был занят собой, тело – собой, глаза смотрели и не видели. Только в тот момент, когда волокуша вместо того, чтобы покорно скользить, стала упираться, я сообразил, что снег кончился, и мы идем по расчищенной дороге, а впереди возвышаются мощные деревянные ворота. Если бы прошлой ночью мы прошли по дороге еще пару километров – могли бы ночевать под крышей. Хотя, если днем ворота закрыты, то, вполне возможно, ночью здесь и стрелы посвистывают. Исключительно с целью не допустить размножения идиотов. Умный ведь не будет ночью ломиться в чужие ворота?

Было очень похоже на то, что и днем умному человеку у

этих ворот делать нечего. Где-то в глубине души я начал беспокоиться за жителей этого городка. Не слышать мои попытки пробить ворота они не могли, значит, либо на них напал коварный враг и поотрывал уши, либо у них сегодня тренировка по закалке характера.

– Алекс, даже если вы сломаете обе руки, нам это не может попасть в город. Может, тут есть еще одни ворота?

Кому характер тренировать не надо, так это князю. Даже интересно, чем можно пронять Ярослава? Иногда мне кажется, что его отмороженность – результат воспитания. Хочется помянуть его няnek, которые, вероятно, никак не могли уследить за подвижным малышом, отчего он часто падал, каждый раз задевая мраморные полы дворца мягкой младенческой головкой.

Мы не успели отойти от ворот достаточно далеко, чтобы не услышать, как они открылись. Хуже того, мы даже попытались поскорее вернуться к ним снова.

Нас ждали. За спиной у десятка грустных мужчин, выпавших на встречу с нами, все никак было не разглядеть веселых румяных женщин с хлебом и солью.

Звук над нашими головами не стал неожиданностью. Так уж устроен арбалет, что беззвучно не взводится. Обычно это не помогает. Слишком долго бежать до леса. Кажется, я уже начинаю привыкать к тому, что, если рядом оказывается стена, на ней непременно окажется кто-то с арбалетом, нацеленным на меня. И куда делся мой язык? Если нас до сих

пор не расстреляли и даже вышли навстречу, значит, не так уж все безнадежно? Надо срочно сказать что-то, что окончательно убедит встречающих в том, что мы с князем их дальние родственники по материнской линии.

Вот и мой котяра решил, что особых проблем нет, – его заинтересовал плащ одного из встречающих. Любит, сволочь, запустить когти в материал подороже. Кажется, повадки Голубого Дракона доставили физическую боль хозяину плаща.

Может, если я заберу кота, пострадавший это оценит и прикажет арбалетчикам забыть о нас?

Хозяин плаща прошел мимо меня, как будто, стоило мне взять Голубого Дракона на руки, как я тут же стал еще одной сосной в окружающем городок лесу. Шел он к Даниле. По-видимому, жители города предпочитают общаться с ранеными и больными.

– Если вы предоставите нам кров, у него есть шансы поправиться...

Не знаю, что такого смешного сказал князь. Вся орава молодчиков в черных плащах заулыбалась, обнаружив довольно неприятного вида клыки.

– Думаю, если ваш друг отмечен предками, он заслуживает уйти к ним в достойном месте. Вам будет предоставлен кров и стол до его ухода.

Арбалетчики со стен исчезли, решив не тратить на нас боеприпасы. Не знаю, откуда взялись носилки, но Данила уже лежал на них, и парни в плащах несли его в сторону ворот.

Нам с князем ничего не оставалось, как последовать за ними.

Глава девятая

Город плащей и крыш

Если бы от обычного человека можно было избавиться всего лишь с помощью святой воды, солнца и связки чеснока!

Из курса самообороны школы вампиров

Холодно. Стоять холодно, лежать – очень холодно. Теплее, чем снаружи, но все равно – зубы вступили в отчаянный бой: кто кого ударит сильнее. В городке за славными стенами, которым мог бы позавидовать и Киев, с крышей, закрывающей каждую пядь городского неба, не было ни единого клочка городской земли, прикрытой не то что доской – тряпкой.

Единственное, что искупало неизбежность быть холодным и несчастным, – зрелище, устроенное князем. До сих пор я ни разу не видел, чтобы князь брал в руки что-либо тяжелее меча. Теперь я был вознагражден. Непрестанно бормоча себе под нос, князь старательно укладывал кучу хвоста вокруг огромного таза – и то и другое ему принесли наши друзья в плащах. Делал он это медленно и с таким видом, как будто от того, под каким углом лежит та или иная деревяшка, что-то зависит.

Не знаю, как он уболтал ребят в плащах, но скоро те без-

ропотно наносили воды. К моей радости, они догадались принести еще и стопку одеял, что несколько примиряло с холодной действительностью. Один из наших хозяев со снисходительной улыбкой наблюдал за князем. То, что это была именно улыбка, я догадался не сразу. Рот слегка приоткрыт, клыки раздвигают губы – я бы нервничал, если бы не спокойствие Голубого Дракона. Моего кота улыбка не испугала, он по-прежнему был увлечен идеей оставить след когтей на этом плаще.

Улыбчивый раньше не сталкивался с котами. Кот – это вам не собака. И те и другие любят процесс, но только кот, пока не добьется результата – не успокоится. Голубой Дракон промахнулся один раз, задел по скользящей второй... На третий раз он предпринял обманный маневр, равнодушно улегшись в метре от противника. И, стоило тому расслабиться и отвлечься на наблюдение за князем, который продолжал складывать дрова в каком-то особом порядке, как Голубой Дракон поразил цель. Цель в свою очередь поразила нас. Капелька красной жидкости покатила по черной ткани плаща, плащ развернулся, и комната сразу стала тесной... Один взмах полами плаща... да какого, к черту, плаща – один взмах крыльями вознес нашего уже не улыбающегося соглядатая под самый потолок, Голубой Дракон победно заорал и преспокойно улегся в центре комнаты. Потолок был невысокий – метра два с половиной, но все равно вышло эффектно.

Крылья с шорохом снова сложились в плащ. Клыки спрятались. Я видел много разных пород людей. Крылатых – впервые. В комплекте с клыками это было довольно неприятно, особенно если учесть, что в этом городке никогда не восходит солнце.

Караваны проходили мимо годами, но никто никогда не рассказывал о крылатых людях. Вероятно, демонстрация летных качеств не входила в планы жителей городка. И это не радовало тоже.

Летун тем временем, обогнув меня, словно естественное препятствие (я уже начал привыкать к этой роли), подошел вплотную к Даниле и с вниманием, в котором сочувствия было раз в сто меньше, чем в пытливом взгляде палача на шею будущей жертвы, изучил раны моего ученика.

– Он уйдет этой ночью. Иначе не бывает. Потом уйдете вы.

Крылатый оставил нас одних в комнате с неприкрытой дверью. Князь продолжил свой нелегкий труд, а я все не мог понять, почему я всё так же стою, подпирая стену комнаты, вместо того чтобы бежать отсюда сломя голову?

– Лейтенант, помогите мне...

Так и есть, князь решил сварить Данилу, и я, конечно же, должен быть в этом замешан. Данила был раздет и водружен в таз. Ярослав обреченно посмотрел на меня и, как был, тоже полез в водичку. Бульончик, судя по всему, будет того – с душком. Я, конечно, и так был сильно удивлен подготовкой исцеления Данилы, но удивление дошло до края – дальше

начались совсем другие чувства.

У меня напряженные отношения с огнем. Поэтому я точно помню: Ярослав огонь не разводил. Князь наклонился и, кажется, почти без усилий взял Данилу на руки. В то же мгновение всё сооружение из дровишек, окружавших таз, моментально вспыхнуло, да так, что я, находясь в паре метров от огня, в одну секунду успел пропотеть. Так же неожиданно, как вспыхнуло, пламя погасло. Князь стоял во весь рост в абсолютно пустом тазу, держа на руках Данилу. Из ран Данилы сочилась ярко-синяя жидкость, и, если бы не ее цвет, это было бы больше всего похоже на кровоупускание.

Огонь вспыхнул вновь и вновь погас. Данила, разом осунувшийся, всё так же лежал у князя на руках, только тело его было совершенно нормального цвета, без намека на мертвенную синеву.

На этот раз дровишки раскладывал я. Никаких спецэффектов – понемногу занялись и по чуть-чуть греют. Одежда, принесенные крылатыми, оградить от холода полностью не могли, но это было лучше, чем вообще ничего. После того как я уложил ученика, ту же процедуру пришлось проделать с князем. Ярослав даже не пытался самостоятельно передвигаться. Не знаю, что именно он сделал с моим учеником, но и самому ему досталось немало. Князь бредил, не открывая глаз.

– Алекс... может быть, ты когда-нибудь в этом разберешь-

ся. Никакая радиация не может породить людей-кротов и людей – летучих мышей. Тролли, ведьмы, вампиры – это слишком много для мутаций. Большая Стена – это слишком здорово для техники наших предков...

– Князь, вам сейчас лучше просто поспать...

– Алекс, конечно, я буду спать. Как знать, будет ли время поговорить, когда проснусь... Просто я хочу, чтобы ты об этом знал. Не забудь про этот наш разговор, обещаешь?

– Обещаю, Ваше Величество. А почему вы решили об этом поговорить именно со мной?

Князь Ярослав не ответил на мой вопрос. Он спал, и ему было хорошо. Во сне ему было сухо и тепло. Странно устроены люди. Я тоже люблю, когда тепло и сухо. Я достаточно много сил приложил к тому, чтобы не иметь никакого начальства. В те небольшие промежутки времени, когда теплота и сухость находятся в одном месте со мной, а начальство – в другом, ко мне начинают тянуться женщины и дети. В результате я – в компании двух парней, притом один из них князь... И всё это – в холоде и сырости. Есть в этом что-то противоестественное.

Ребята, построившие этот город, продвинулись даже дальше меня. Почти невозможно понять, зачем крылатым так старательно загонять город под крышу, да еще и под такую низкую крышу. Фишка с земляным полом вообще за гранью – воспитывают в себе морозоустойчивость нижних конечностей? Или в их спальнях построены удобные насесты?

Почему-то мысль о насестах так увлекла меня, что я не сразу заметил, что костер почти умер, а в комнате несколько больше народа, чем должно быть. Черное на черном – не самое яркое зрелище, но мне хватило. Незваные гости всё никак не приступали к действию, а я так старательно притворялся телом, спящим глубоким сном, что и вправду заснул. Утро наступило вместе с хлопаньем по плечу. С учетом того, как я заснул, нет ничего удивительного, что и проснулся я несколько возбужденным. А когда я нервничаю, я успокаиваю окружающих. Не знаю, был ли это тот летун, который накануне скалился, или какой-то другой, но сейчас он был спокоен, как только может быть спокоен человек с клинком у шеи. В следующий раз я его обязательно узнаю – по шраму. Кажется, он что-то пытался произнести. Очень неудобно разговаривать с горлом, прижатым к острой кромке металла, – вот когда понимаешь пословицу: молчание – золото. Что ж, если я немного ослаблю хватку, быть может, я услышу что-то интересное?

– Вам надо срочно уходить... – Довольно странно видеть существо с клыками, явно чем-то напуганное. Не я же его напугал? – Поверьте мне, вам опасно здесь оставаться!

Фраза «поверьте мне» радует меня с детства. Говорит ее обычно человек, которому не доверяют, мало того, этот человек искренно верит в то, что он маг. А иначе с какой радости ему произносить это самое «поверьте мне»? Думает, это заклинание? Произнес – и мы тут же начали ему верить?

Сегодня эта магия работала плохо. Почти так же плохо, как чувствовали себя Данила и князь. Может быть, клыкастый прав – и нужно срочно уходить. Только «срочно уходить» сейчас легко сделали бы с моим учеником и князем то же, что и пара кинжалов. Особенно если принять во внимание, что кто-то из наших хозяев уже побеспокоился о том, чтобы нам было что перекусить этим утром. Пахло ровно настолько вкусно, насколько я был голоден. Есть и спать, по крайней мере, еще пару дней – и тогда, кто знает, может быть, я смогу начать кому-то верить.

Дверь захлопнулась, оставив нас наедине с завтраком. Вспоминая ночных гостей, я решил попробовать запереть дверь... Увы, ни запора, ни крючка. Что интересно, доверчивость и готовность к приему гостей предполагалась односторонняя. Запоров и крючков не было только с нашей стороны. Открыть дверь мне не удалось. Неужели срочно уйти мне предлагал тюремщик?

Глава десятая

Отец и дети

*У тебя есть чувство ритма, если ты точно знаешь, когда есть смысл стучать, а когда – нет.
Собрание сочинений Павла Морозова. Том 5*

Пуххх... Кажется, звук не рвался наружу, а входил во что-то большое и мягкое. Пуххх... где-то почти на грани слышимости зародился и пошел в наступление жесткий ритм... Весь день до нас не доносилось ни звука, даже звука, который радует любого узника, – скрипа открываемой двери, предшествующего доставке еды и воды. Но, как только стемнело, туземцы решили попотчевать нас местной музыкой. Вероятно, сэкономили на хлебе, а взамен решили устроить концерт. Большой и маленький барабаны шли в наступление. Этот звук в моем рейтинге слуховых неприятностей занял почетное второе место сразу после дуэта иголки и стекла. Открывшаяся дверь и даже те, кого она пропустила, уже не могли ухудшить мое настроение. Первым шел легко узнаваемый по шраму мой утренний знакомец. Идти ему было трудно, ему приходилось нести себя и тащить на себе цепи. Странно было не то, что он еле идет, для меня было загадкой, как он вообще передвигается с этой грудой железа. Несмотря на обманчивый свет факелов, свежие кровоподтеки расцвели так,

что не увидеть их мог бы только слепой. Может, мне только показалось, но фоном для этих художеств была смертельная синева кожи, та самая, которой еще вчера блистал Данила... Я, конечно, изверг, но, помнится, из комнаты он выходил в куда большей целости.

Черные плащи все заходили и заходили, пока между нами и выходом не образовалась живая стена в несколько рядов. Перед этой стеной появились бочонок и малец в плаще поменьше остальных – звуки мягких ударов извлекал именно он. Правда, мягкими они слышались лишь издалека, на расстоянии в несколько шагов «пуххх» превратился в пугающе громкий «бугггг», мало того, каждый удар вызывал дрожь всей комнаты, будто вся она превратилась в огромный барабан. Удары большого барабана становились всё громче, все чаще, только откуда они доносятся, было не понять – сразу отовсюду. Удары маленького превратились в дробь – коротышка-барабанщик уже не просто бил в свой инструмент, а отчаянно вколачивал свои руки в кожу бочонка, вероятно надеясь порвать её, чтобы прекратить свои муки.

Большой барабан зазвучал еще сильнее и, кажется, ближе, а маленький затих – барабанщик оставил инструмент и отошел от него поближе к остальным крылатым. Ближе всего к барабану оказались мой приятель со шрамом и наша троица. Удары уже шли не откуда-то, а совершенно точно из-под земли – и производил их явно не барабанщик. То, что я принял за удары большого барабана, было чем-то другим,

совсем другим. Кто-то ломился к нам снизу, и это совершенно не радовало. Удары стали еще сильнее, и в свете факелов я увидел то, что надеялся уже не увидеть никогда. Кусок земляного пола отлетел в сторону, и на поверхности показалась до боли знакомая гигантская рука. Первый заход прошел вхолостую. Оставленный рядом с барабаном закованный, но, видимо, все еще на что-то надеющийся парень развернул свои крылья и, несмотря на цепи, взмыл под потолок. Вторая рука вылетела вслед за первой и зацепила крылатого. Это было даже не падение. Так молоток вколачивает гвозди. Только на этот раз шляпкой была голова несчастного.

Оказывается, я очень громко дышу. Настолько, что, кроме звука работы собственной носоглотки, уже не в состоянии что-либо услышать. Факелы раскачивали тени, но клыкастые крылатые стояли, явно дожидаясь продолжения. Меч уже давно был под рукой, но в замкнутом пространстве при таком скоплении народа толку от него будет чуть. Если бы князь и Данила были в форме... Никогда раньше не замечал, что у моего меча такая скользкая рукоять, ведь не может быть, чтобы в таком холоде у меня вспотели руки?

Один из факелов отделился от стены – конечно, теперь главные роли у нас. Тот, кто нес факел, резко отличался от всех обитателей городка, которых нам до сих пор приходилось видеть. Голубой Дракон, реагирующий на наших хозяев скорее как на товарищей по играм, чем на что-то опасное, напрягся, кажется, пытаясь заслонить меня своим взды-

бывшимся мехом. Жаль, но я для этого немного крупноват. Крупноват был и факелоносец. Не знаю, какой нужен размах крыльев, чтобы приподнять эту тушу хотя бы на один сантиметр. Странно, что он не провалился, если этот пол так легко пробивается снизу вверх: в противоположном направлении он должен проламываться почти без усилий.

Глаза. Этого типа кто-то сильно напугал. С тех пор он забыл, как мигать. А может, и не надо мигать, если глаза больше похожи на бельма.

– Живчик, погляди, что с гостями...

Вот это голосок! Еще чуть ниже – и его можно будет использовать вместо осадного орудия. Подошел, поздоровался – стены зашатались и упали. Крылатый, раз в пять более худой, чем факелоносец, оказался рядом с нами – у этого с глазами было все в порядке.

– Они – чисты...

И с голосом у Живчика тоже ничего страшного. С именем вот – да, проблемы, хотя я же не знаю, в честь чего именно его так называли.

– Посмотри хорошо, один из них не может быть чист...

Из нас троих не мылся ни один, хотя то, что проделал Ярослав с Данилой, легко можно было назвать водной процедурой... И этот толстый – у него все-таки бельма? Что это он переспрашивает?

Не люблю, когда меня так рассматривают. Обидно, я – здоровый мужик с мечом в руках, а на меня пялятся, будто

гуся к рождественскому столу выбирают.

– Они точно чисты – предки их не тронут.

Борову с бельмами этот ответ явно не понравился.

– Полосатый, сюда иди.

Кто им давал имена? Очередной мужик в плаще был полосатым не больше, чем я. Разве что это в честь светлой пряди... С другой стороны, может, у него полосы под плащом?

– Отец, они чисты...

Значит, самый толстый – отец. Судя по телосложению, он мог по совместительству быть и матерью, причем рожать лет через двадцать после зачатия. Отец был недоволен детками. Детки сдуру говорили не то, что он хотел слышать. У меня обычно так с женщинами.

– Мальчик, что скажешь ты?

Мальчик был мальчиком очень давно. Примерно за жизнь до того, как мальчиком был я. В плечах он не уступал папаше, но ожирением не страдал, да и глаза были ясные.

– Они чисты, как и было предсказано.

– Это недолго исправить.

Мальчик был не только стар. Он был быстр. Я не успевал. Да и рука Отца оказалась слишком быстрой и слишком длинной. Нож в этой руке был в миге от того, чтобы стать смертельным для меня. Рука Отца ничем не отличалась от тех, что появлялись сегодня из-под земли, чтобы забрать одну жизнь, и тех, что забрали десятки жизней нашего отряда. Другая рука принадлежала Мальчику. И будь я проклят, ес-

ли Отец не был Мальчику в лучшем случае двоюродным дядюшкой. Рука Мальчика мало отличалась от моей, если забыть о том, что где-то у локтя к ней крепилось крыло. И всё же он успел. Мальчик удерживал Отца – и у того не было ни единого шанса пошевелиться.

– Отец, мы слишком долго этого ждали...

В комнате снова стало просторно – только мы и приятная компания еды и воды. Данила всё еще был слаб, но мне удалось запихать в него его порцию. Князь приговорил свою долю и еще половину моей. Кажется, он не сразу сообразил, что сделал, а когда сообразил, на всякий случай решил не извиняться.

Я не в обиде. Глядишь, быстрее придет в себя. Втроем мы еще померяемся с этими клыкастыми, рукастыми, да еще и с крыльями... Я заснул – и во сне много и с удовольствием ел. Доесть, как обычно, не дали. На этот раз это был холод. Почему-то он шел не от земли, а от воздуха – как раз на уровне моей головы, которую я изо всех сил пытался приподнять повыше с помощью подручных средств, за неимением подушки.

Жрать по-прежнему хотелось, а сон уже ушел. Легкое движение шей – и я посмотрел в сторону, откуда ветром дуло. Даже странно, что я проснулся. Костер погас, а размер дыры, невесть откуда взявшейся в стене, вполне мог обеспечить три замороженных тушки. Обычно, если заглянуть во внезапно

образовавшуюся дыру, можно обнаружить ее причину. На этот раз все было иначе. Причина сама решила заглянуть. У нее было лицо Мальчика.

Глава одиннадцатая

Предсказание

Таблица умножения – самое надежное из пророчеств.

Дневники Кассандры

Так, наверное, должна выглядеть детская мечта. Домик-гнездо, спрятанный в кроне огромного дуба. Главная трудность – как туда забраться – была разрешена Мальчиком и его крылатыми друзьями: мне с Данилой и князем оставалось только не выпускать из рук веревочную лестницу, которую плащи подняли с завидной легкостью. Поневоле я примеривал к себе все те случаи, когда крылья мне бы помогли. И не смог вспомнить ни одного, когда они были бы лишними.

Десятки глаз, шелест крыльев, клыки, которые невзначай показывал то один, то другой... Они слушали каждое слово Мальчика и, кажется, повторяли их про себя, как запретную молитву, как тайную клятву...

Мальчик все время срывался на шепот... Метров пятьсот от городка и еще метра четыре от земли были не в состоянии его успокоить. Я бы тоже предпочел оказаться в местах, где никто и никогда не видел руки, появляющиеся из-под земли.

– Придут трое, и один из них будет отмечен печатью пред-

ков, но не уйдет к ним, а снимет печать – и кончится время Отца. Отмеченного и очистившегося будут звать Данилой, Очистившего – Ярославом, а приведет их Олекса, маг, не знающий своей силы... Так было сказано. Так теперь сделано. Назовитесь, как вас зовут...

– Данила.

– Ярослав.

– Алекс.

Мальчик победно обвел взглядом гнездо и продолжил:

– Первое, что я помню, так же, как любой из нас, – Отец. В детстве он рассказывал о том, что глубоко под землей живут наши предки и внимательно за нами следят. Если мы ведем себя хорошо, у нас появляются маленькие братья, а того, кто ведет себя плохо, предки забирают к себе, под землю.

– Кто-то сегодня вел себя плохо? – подал признаки жизни князь.

– И его забрали...

Иногда мне кажется: если в один случайный день люди вдруг начнут называть вещи своими именами, жить станет точно не хуже. С трудом себе представляю, как мачеха Ярослава заявила бы своим людям: этой ночью я дождусь, пока муж заснет, и после этого суну ему под ребро нож... Говорила она, скорее всего, о политике и деньгах, а не о том, что любой, кто окажется с ней достаточно близко и без кольчуги, может умереть от передозировки металла в организме.

– Его убили, Мальчик, ведь так? Вы же не верите, что он

еще может вернуться? – Обычно Данила парень спокойный, но сильно возбуждается исключительно во время публичных казней, так уж сложилось.

– Раньше верил... Верил и в то, что, если отмечен печатью предков, – пути назад уже нет. Так было с каждым, кто делал что-то против воли Отца, тот начинал болеть: кожа становилась синеватой, силы постепенно уходили, потом его забирали предки... Но Данила очистился. Всё так, как и было предсказано.

– Мальчик, ты все время говоришь про Отца. А что с матерью? Ты же не хочешь сказать, что вы до сих пор верите в аистов, капусту и предков, посылающих вам маленьких братьев и сестер...

– Только братьев. И их действительно присылают предки. Сестер в нашем народе нет. И у меня никогда не было матери...

Есть такие вопросы – ответ еще не произнесен, а ты уже точно знаешь – лучше его не знать. Есть разные «знать». Есть такие: думать, что знаешь. А есть – подержаться, вдохнуть, прикоснуться.

– Как часто кто-то из вас уходит к предкам?

– «Придут трое, кончится время Отца, и предки оставят живущих, и разойдутся их пути». Так говорится в пророчестве... За эту зиму ушло уже больше сотни.

Загон. Если хочешь держать в неволе рыбу – окружи ее

сушей, зверя – водой, крылатый должен жить под крышей. И – голая земля, земля, которую так легко пробить большой и сильной рукой, которая, быть может, всю жизнь только и занимается тем, что копает. Люди-кроты здесь были умнее тех, что встретились нам на стоянке. Не нужно дожидаться, пока жертва придет на водопой. Почему бы не заняться животноводством? Разве *детям* дают такие имена: Мальчик, Живчик, Полосатый? Так называют щенков или поросят... Да и по виду Отец на роль отца годится не больше, чем пастух – на роль барана. Готов поспорить – где-то не так далеко есть самки черных, которые рожают маленьких братьев Мальчика. Судя по тому, что мы ели, откорм чернокрылых – дело не особо хлопотное, особенно если те еще и торгуют с проходящими мимо караванами. Когда «предкам» хочется подкрепиться, Отец выбирает самого неудобного и отмечает печатью предков. Вероятно, какой-то яд. Судя по Даниле, этот яд характерен для людей-котов. Дальше – вообще просто: барабанная дробь – мол, кушать подано – и очередной мальчик, живчик, полосатый уходит на прокорм своих подземных хозяев. Представляю себе счастливого фермера, у которого коровы сами находят себе корм и покорно собираются у ворот скотобойни.

– Мальчик, а Отец умеет летать?

– Летать грешно. Отец никогда не летает, он один может совладать с любым страхом и не оторваться от земли.

Один он такой... я вот тоже никогда не летаю. От испуга

могу прыгнуть, а полететь могу только вниз – если предварительно заберусь куда повыше.

– Скажи мне, если бы вдруг оказалось, что всё в этой жизни не совсем так, как тебе рассказывал Отец. Если бы ты узнал, что ваши предки – не совсем предки, а ваш Отец – ну, как бы не совсем Отец...

Я зря осторожничал и вставлял бесконечные «бы», Мальчик был готов к этому вопросу:

– Отец нас учил, что худшее – это обман. Тот, кто идет на это, должен понимать, что идет на смерть. Хуже – только не позаботиться о своих детях. За это – тоже смерть.

Особенно мне понравилось, что о детях нужно заботиться. Видели мы эту заботу. Сначала отравить, потом отдать на заклятие. Впрочем, Отец в этом списке «заботливых» – не первый.

– Мальчик, как скоро нас начнут искать? Что будет, если нас найдут? И еще – в этом предсказании не сказано, как именно кончится время Отца? – Князь слаб, а голова работает – сейчас мы получим подробную инструкцию по выходу из безнадежного состояния. Оказывается, такие чудеса иногда все же случаются.

Мальчик не смутился и был готов говорить:

– Искать не будут, все знают, где мы. В пророчестве много неясного, но только не на этот счет. «Трое сразятся с Отцом и будут повержены. Поверженные, отправятся они к предкам, родится и умрет целое поколение, но вернутся они. И бросит

Олекса вызов Отцу, и время Отца кончится. Так сказано».

Инструкция получена, а с чудом не сложилось. Не укладывалось в мое понимание чуда ожидание длиною в жизнь и смерть целого поколения. Не зря меня сильно напрягало спокойствие в поведении Мальчика. Революции с такими лицами не делают. Он и не делал. Он играл роль в пьесе неизвестного автора, с которым нам не повезло. Почему в предсказании нет ни слова о том, как весь народ крылатых и клыкастых торжественно нас сопровождает поближе к точке встречи с Порфирием? Дальше мечтать стало трудно. Эти барабаны вырубают мои мыслительные способности – ноги начинают беспокойно дергаться – вероятно, они пытаются компенсировать выключение мозга и убежать подальше – спасти безумное тело.

– Отец скоро будет здесь... – Мальчик одарил нас взглядом «прости-прощай, мы больше не увидимся, спасибо за всё»... Этот взгляд я сам люблю использовать в момент прощания с какой-нибудь веселой девчонкой, составившей мне компанию на привале. Главное – в этом взгляде попытаться выразить безмерное желание остаться на фоне полной невозможности это сделать. Это легко. Привалы случались во время моей службы в гвардии, когда моя свобода длилась как раз в те считанные часы, в которые еле-еле умещался весь процесс – от знакомства до прощального взгляда. И не было печали, потому что рано или поздно будет новый привал – и новый прощальный взгляд. Солдат – существо циничное: ни-

что не может испортить ему настроение, если он цел, сыт и с пользой провел ночь.

Барабаны становились все громче, а крылатые братья по одному покидали «гнездо» через узкий вход, совершенно не заботясь о таком пустяке, как веревочная лестница, и о том, что летать грешно.

– Зачем нас сюда привели? – Данила пытался размяться, что, учитывая его слабость, было актом почти героическим. Мальчик уже покинул нас, и вопрос, казалось, завис в воздухе... Мне ответ был ясен: игра у них такая – тягать полумертвых чужаков на веревочных лестницах, а потом грузить ужастиками. «Так было предсказано», – последний из крылатых сказал это, уже почти выбравшись из гнезда.

Это, конечно, всё объясняет. Волноваться было не о чем – все, кроме нас, знали, что, где и когда. Единственное, что было непонятно, так это куда девался Голубой Дракон. Еще буквально минуту назад он был в гнезде.

Глава двенадцатая

Скорость крови

*Важно точно знать возраст и место
расположения противника.*

Надпись на фронтоне военной академии царя Ирода

Четыре метра – это высоко. Особенно если они раскачиваются из стороны в сторону. Первый раз встречаю дерево, раскачивающееся без ветра. Можно было просто удивляться, если бы качка не началась как раз в тот момент, когда мы собрались выбраться из гнезда. Больше всего пугал угол. Сильно раскачать дерево – трудно: корень мешает. Судя по тому, на какой угол мы отклонялись, у этого дерева либо вообще не было корня, либо кто-то прямо сейчас за него ухватился и пытается размахивать нашим дубом, аки малец хворостиной. Я не успел решить: прыгать несмотря ни на что – или лучше отсидеться. Теоретически, если то, в чем ты находишься, летит вниз, в каком-то смысле ты уже прыгнул. Земля оказалась куда дальше, чем ей положено было находиться. В принципе, так и должно быть – если падаешь не *на*, а *под* землю, к моим давним любимцам, которых некоторые недоумки кличут предками.

Обидно, когда для тебя всё «вдруг», а для твоих соперников – по плану. Если бы не чертово гнездо, им пришлось

бы попотеть, чтобы доставить нас в свое подземное логово. Предки не пытались нас убить. Они просто покатали гнездо – шарик добрых два метра в диаметре. Вероятно, они рассчитывали, что в конце пути мы превратимся в мясной фарш, который достаточно будет собрать со стенок.

Где-то в шее – между позвоночником и кадыком – находится переключатель. В одну сторону – лечь и будь что будет. В другую сторону – кости наливаются металлом, и собственные руки, ноги и, кто бы мог подумать, голова кажутся вполне добротным оружием... Это чувствуется, когда глотаешь. Гнездо остановилось. Выключатель щелкнул. Кажется, у Ярослава, Данилы и Алекса Каховского он встал в одну и ту же позицию. Фарш собрался со стенок и приготовился к драке. Я бы на месте «предков» удивился, когда из разломанного гнезда наружу полезли неприятные остро заточенные металлические предметы.

Очень хотелось думать, что предсказание начало давать сбой – и эту драку мы выиграем. Вероятно, «предки» были мало сведущи в том, для чего нужна легкая кольчуга. А она вселяет некую уверенность. Во всяком случае, до первого ранения. Почему нам оставили мечи, можно было только догадываться. Единственное, что приходит на ум, – так было предсказано... Скорее же, о таких мелочах предсказание умалчивало, а на ферме у скота обычно напряженка с вооружением.

В сумраке подземелья главное было успеть. Мы успевали

– успевали заметить клинок, успевали отбить, успевали ударить в ответ. Я бы дал многое, чтобы нас было не трое, а хотя бы шестеро. И – с полной амуницией. А уж всё Костяное отделение в боевом составе прошло бы сквозь «предков», прогрызая себе путь, как голодный пес сквозь кусок мяса. Данила начал уставать – уже два раза мне пришлось его подстраховывать, в последний раз почти подставившись под удар одной из тварей. Ярослав держался. Еще десяток ударов – и один из нас снова ошибется. Еще десяток ударов – и другой не сможет помочь.

Сумрак сменился почти ослепительным светом факелов – подземелье заполнили плащи – еще бы, на их глазах происходило главное событие их жизни. Мы смогли как следует рассмотреть подземных тварей. Их руки смотрелись отвратительно, но и целиком они смотрелись не лучше. И не находилось ни одного отличия от тех, что погубили капитана Толстикова и две роты королевской стражи. Было понятно, что драка остановлена не для того, чтобы дать нам передохнуть. Вероятно, предсказание вступило в следующую фазу: убивать нас будут каким-то особенным способом.

Черное отделилось от черного. Отец стоял между фигурами в плащах и предками. Он был огромен, и я помнил, насколько он быстр. Думаю, лет через сто один из предков вырастет до его размеров. Ребятам в черном, чтобы вымахать до таких пропорций, нужно много есть, вообще не шевелиться – и все равно ничего не получится. Он сделал один шаг,

и я все еще ждал следующего, когда вдруг понял, что Данилы рядом нет. Отец был даже быстрее, чем я думал. Точнее, я уже не думал – я летел примерно в том же направлении, что и Данила секундой раньше... Не дожидаясь, когда где-то рядом уляжется тушка князя, я попытался подняться... Это не входило в планы Отца. Когда я пришел в себя, я очень точно знал, что чувствует наковальня, когда на нее опускают молот. В следующей жизни я предпочел бы быть чем-нибудь металлическим – так больше шансов сохранять форму и размер. Туша Отца проплыла мимо, видимо, чтобы достать Данилу, который в отличие от меня все еще умудрялся передвигаться. Бесформенная куча, застонавшая рядом, по логике происходящего, должна была быть Ярославом. Его полет кончился довольно жесткой посадкой. Хуже Ярославу еще долго не будет – хуже может быть, только если он попробует шевелиться. Не помню, чтобы меня когда-нибудь раньше тянуло стать мучеником, наверное, это из-за того, что я под землей. Я встал. Отцу было не до меня. Данила сделал лучшее, что можно было придумать, – умудрился добратся то ли до загона, то ли до выгородки – и заперся, вероятно, посчитав, что кое-как скрепленные доски смогут остановить этого монстра. Не остановили. Отцу понадобились два удара, чтобы заборчик превратился в труху. Между ним и Данилой осталось три метра – и десятки маленьких телец с крохотными кожаными крылышками нежно-розового цвета. Данила прятался в яслях.

Теперь, чтобы добраться до Данилы, Отцу пришлось бы для начала очистить поле боя от маленьких летунов. Я ошибся. Отец ударил... Один раз, потом другой. Он просто продолжал движение – не думаю, что он в принципе понимал, что делает, просто сокращал расстояние между собой и Данилой.

Я не видел Данилу, я видел разлетающиеся тельца, я слышал писк... Где-то за этой кровавой кашей был мой ученик – или то, что от него осталось. Я уже стоял, поэтому было довольно логично попробовать идти – на звук. Тельца будущих черных Отец просто сминал, так рука сминает пустую скорлупу, так горят крылья бабочек – настолько стремительно, что кажется – они просто исчезали. Два черных плаща, поднявшихся навстречу Отцу, никогда не дрались. Наконец-то я увидел черные плащи женского пола. Они еле шли – беременным вообще редко удаются стремительные движения. С тем же успехом Отца мог задержать утренний ветерок – самочки улетели в дальний угол яслей, обрушив еще одну стену. По логике вещей, где-то тут должны быть и самцы-производители. Но они не появились: либо они трусливее и умнее самок, либо их держат в другом месте.

Отец ударил с того места, где стоял, Данила не успел бы увернуться, если бы за мгновение до этого не поскользнулся и не начал падать. Воздуху, который попал под руку Отца вместо Данилы, должно быть, быть больно.

Шелест. Плотный тугой звук. Он не обволакивал, так мог

звучать прибой, если бы океан состоял из тугих кожистых крыльев. Стало еще светлее. Летуны сомкнули круг вокруг Отца. Зря я все-таки сдвинулся с места – внутри круга Отец оказался не один, а с идиотом по имени Алекс.

За кругом остались маленькие летуны, Данила, князь, ружейные твари... Внутри – только я и Отец. Откуда-то прозвучал голос Мальчика: «Пусть исполнится пророчество! Пусть кончится время Отца...»

Было бы странно, если бы огромная толстая тварь, по какой-то нелепой ошибке носящая имя Отец, стала ждать, пока Мальчик договорит. Я не реагировал на движение – просто волна воздуха, которую гнал перед собой удар Отца, заставила меня отклониться. Следующий удар принял на себя мой клинок. Только я не пытался отбить удар. Слишком большая разница в силах. Немного, почти незаметно отклонить и продлить. Вероятно, Отец решил, что промахнулся. Или – что я просто отступил. Что такое фехтование, Отец не знал – он просто бил, быстро и сильно, этого хватало. Я не отступил – ни на шаг – отступил мой меч, чтобы тут же вернуться, Отец уже был готов к следующему удару, когда мой меч вошел в его тушу. Я не чувствовал себя бойцом, скорее мясником, зарезавшим свинью к очередному Рождеству. Уже по инерции Отец сделал еще один шаг, насаживаясь на сталь, как на вертел. Провернуть и вынуть. Шаг в сторону. Кажется, он падал минуту, тело пыталось догнать вытекающую кровь. Кровь была быстрее. Кровь всегда быстрее.

Мерцающего света факелов, к сожалению, было достаточно. Поколению необязательно вырасти, чтобы погибнуть.

«Родится и умрет целое поколение, но вернутся они. И бросит Олекса вызов Отцу, и время Отца кончится. Так сказано..» – Мальчик все еще был рядом. Что-то поменялось у него в глазах. Я видел такое довольно часто. У выживших в бою. Тяжелораненых. Вчерашних мальчишек, повзрослевших за миг.

Мне бы хотелось верить, что Мальчик и его соплеменники были сентиментальны. Поднялись в едином порыве и отомстили. На самом деле, вряд ли они могли до конца понять, что произошло.

Могли понять только умом, не сердцем. Зато теперь было хорошо видно, кому Отец был отцом, а кому – нет. Отец никогда не летал, потому что, сколько ни размахивай плащом – не полетишь. Черный плащ лежал отдельно, Отец – отдельно, соединяла их расширяющаяся лужа крови. Между предками и Отцом была разница – Отец был больше. Между чернокрылыми и предками не было никакой связи, кроме того, что одни служили кормом для других.

Вид плаща, сшитого из чьих-то крыльев, был довольно сильным зрелищем, но дело было не в этом. Просто время Отца кончилось, и, по протоколу, вслед за ним должны бы-

ли отправиться и предки. Крылатые растекались по пещере черным потоком. При всей их мощи предкам было не устоять перед многочисленными родственниками Мальчика. Судя по всему, последними словами пророчества было словосочетание «кровавая каша». Если так – всё исполнилось.

Мне понадобилось время, чтобы пробраться мимо черных плащей к тому месту, где должен был находиться Данила. Лучше бы ему сейчас оказаться подальше отсюда: ход мысли озверевших крылатых мог двигаться не в лучшем для него направлении. Между всё еще не пришедшим в себя Данилой и толпой его поклонников в черном было нечто в сером. В прошлой жизни это нечто откликалось на кличку Голубой Дракон и позорно сбежало как раз в тот момент, когда предки начали выковыривать нас из гнезда. Чуть не забыл: раньше оно вполне сходило за кота. Кот не может держать в напряжении несколько десятков воинов. Пусть даже страшнее кошки зверя нет... Но это только до той поры, когда мужчина не решит заняться делом. Мне оставалось выполнить незамысловатую работу – унести два тела за кратчайший срок на максимальное расстояние. Всё остальное Голубой Дракон взял на себя. Довольно большие глаза моего личного страха оценивали текущий рост кота как полный метр в холке. До тигра оставалось всего ничего.

Я могу только предполагать, как началась эта история. Вероятно, это была семья крылатых, попавшая в плен к под-

земным жителям. По какой-то причине их решили не убивать. Кто-то из рукастых хищников решил разводить этих странных крылатых человечков. Значит, где-то должны существовать и другие колонии крылатых. Только почему мы раньше о них ничего не знали? Почему ни один из караванщиков не обмолвился о странных жителях городка? Может быть, раньше жители эти были не такие странные?

Мир вокруг меняется слишком быстро. Иногда мне кажется, что он меняется не только сегодня и завтра, но кто-то пришел и заменил наше «вчера».

И, кстати: кто надиктовал Отцу пророчество?

* * *

Этой ночью Дракон охотился успешно. Тридохлых грызуна терпеливо ожидали моего пробуждения. С учетом вчерашних метаморфоз моего кота, могло быть что-нибудь и покрупнее. Костер давным-давно прогорел, но беспокоил меня даже не холод. И даже не сумасшедший взгляд Данилы, обращенный куда-то вдаль. После того, что ему пришлось испытать, будет просто удачей, если он отделается всего лишь некоторой странностью во взгляде. Через три дня у нас назначена встреча с князем Порфирием. И даже если каким-то чудом полумертвый Ярослав, не выздоровевший до конца Данила и Алекс Каховский, несколько подрастерявший свою лучшую форму, доберутся до места... Я бы на месте Пор-

фирия крепко задумался, прежде чем решился поддержать монарха с такой сомнительной свитой. Впрочем, за Порфирия можно быть спокойным – колебаться ему не придется. За оставшийся срок нам не преодолеть и половины пути.

Ну вот. У Ярослава взгляд не лучше, чем у Данилы. Может, это заразно? У меня взгляд стал примерно таким же секунд через шесть. Ровно настолько мне хватило силы воли, чтобы не смотреть, на что уставились мои не вполне здоровые друзья. А смотреть было на что. Отряд чернокрылых в полном обмундировании с флагами и штандартами смотрелся очень внушительно. Двести человек в черном на белой снежной равнине просто-таки обязаны смотреться впечатляюще.

– Маг, не знающий своей силы, господин Олекса, – мы готовы сопровождать вас!

Надо же, они готовы! Готов ли к этому я?

Глава тринадцатая

Несколько видов смерти

*Любой неожиданный удар – это удар в спину.
Из объяснительной записки гетмана Мазепы*

Не больше двадцати километров. С тем же успехом это могло быть не больше ста или пятисот... Крылатые летать толком не умеют. То есть летают примерно так, как я плаваю под водой: плыть плыву, но до рыбы мне далековато. Зафиксированный мною рекорд полета крылатых составлял метров двадцать. Ходят на любые расстояния – но медленно – крылья мешают. Не воины, а две сотни инвалидов. А ведь так и не скажешь – парни все крепкие, с хорошей реакцией. Ну, свихнувшиеся слегка на пророчествах, так не они первые... Утром нужно быть на месте встречи, и кажется, что время есть и его много, только двадцать километров – это по прямой. А так – все сто. Скорость же отряда, как известно, равна скорости его самого медленного бойца. В нашем случае это носилки с Данилой. Носилки с Ярославом передвигаются несколько быстрее – миллиметра на два в час. То есть какая-то польза от крылатых все же есть. Если бы они сообразили и мне – ужасному магу Олексе – предложить носилки, я бы перестал злиться на то, с какой скоростью они переставляют нижние конечности. Увы. Вероятно, в их гла-

зах я слишком велик, чтобы нуждаться в помощи.

К сожалению, мое величие никак не повлияло на препятствие, которое заметило нас раньше, чем мы его. Это не трудно, если препятствие тебя ждет, а ты его – нет. Последние метров пятьсот меня не оставляло ощущение, что мы не единственные существа с развитым зрением в округе. То ли разведчики из крылатых никакие, то ли мои «ощущала» сработали слишком рано, но подтверждение явилось только сейчас. Голубой Дракон тоже не обрадовался. Думаю, ему не понравилась раскраска знамени, под которым собралась встречающая нас делегация. Белый рыцарь на красном фоне. Даже не знаю, что могло быть хуже: нас ждала встреча с родным братом княжны Лоретты литовским князем Эдмундосом и его уланами. Целую секунду я мечтал о том, чтобы нас попытались взять в плен. Но, судя по свисту арбалетных болтов, князь Эдмундос был бы вполне удовлетворен нашими тушками, даже если их кожный покров не будет сохранен в целостности и сохранности.

Может, ходило мое войско недостаточно быстро, зато бежало оно в правильном направлении – ближе к лесу, дальше от арбалетчиков. Бедняге Эдмундосу все-таки придется подсуетиться, чтобы испить нашей кровушки: прищпорить коня, взять в руки пику...

Если бы эти всадники атаковали не нас, я смог бы лучше оценить красоту сомкнутого строя отряда из пяти сотен кавалеристов. Добежать до леса не успеем. Жаль, я бы точно

предпочел заблудиться. Пусть даже половина уланов останется в этом снегу – оставшиеся не оставят нам ни грана надежды.

Командир из меня никакой. То есть командир большого отряда – никакой. Зато у меня был Ярослав. Не знаю, каким чудом он умудрялся стоять, да еще и командовать... Когда я оторвался от созерцания мчащейся смерти, то обнаружил за своей спиной смерть другого рода – выстроенный по всем правилам отряд пехотинцев, готовый встретить конницу. Им бы еще правильные щиты и копья...

Арбалеты снова выплюнули болты, проредив наш строй... Крылатые стояли, будто им снова было известно что-то из пророчества. Какая-нибудь строка наподобие такого: «Враг будет разбит, из нас никто не умрет». За войском литовцев стала видна характерная повозка, которая не оставляла вопросов, каким образом уланы оказались здесь. На таком транспорте в Киев явились литовские колдуны. Меня совсем чуть-чуть (глупо всерьез волноваться за несколько секунд до смерти, поэтому чуть-чуть) смущали два факта. Первый: как они узнали, где именно стоит нас ждать. И второй: если они все так правильно вычислили, то где второй отряд, который, по всем раскладам, должен атаковать нас сзади?

Всё просто. Быть быстрее. Всаживать железо в мясо, в жилы, в кость. Не парировать – уходить. Потому что, когда железо встречается с железом – боль и слабость растут с каж-

дым ударом и убивают вернее любого противника... Еще быстрее. Литовец еще не понял, что уже мертв. Его сердце еще гонит кровь. Он успевает увидеть, как клинок выходит из-под его ребра. Он успевает нанести удар. Слишком медленно.

Рядом Данила. Пока держится. Шансы есть, слева от него Мальчик – было бы у меня на пару сотен таких «мальчиков» побольше...

Штандарт Киевской Короны немного впереди. Только вокруг Ярослава всё меньше бойцов. Единый материк нашего чернокрылого войска постепенно превращается в островки, которые один за другим тонут в море уланов.

Пики. Скверная штука – поднырнуть, уйти – и здесь, как под водой, долго не выдержать, затопчут, сомнут, поэтому вверх, вонзаясь клинком в чью-то уже смертельную рану.

Пора переходить в более выгодную позицию, тем более что освободилась она не без моей помощи. Верхом. В преимуществах такой позиции первым пришлось убедиться улану, скачущему на животном, которое не только мастью было похоже на корову. Удар – и до полной и окончательной победы литовцев осталось на одного бойца меньше, значит, на несколько секунд больше осталось у нас. Судя по пляске штандарта, у Ярослава дела обстояли не слишком хорошо. Если бы чернокрылые понимали, сколько их осталось, они бы уже летели с поля боя во всю силу своих недоразвитых крыльев...

Скорее всего, я сейчас был сильно похож на рыбу – рот открывается и закрывается – звук не слышен. С телепатией у меня как-то не сложилось, приходится напрягать связки. Но чудо не приходит одно. Во-первых, Мальчик меня услышал. Во-вторых, он меня понял.

Что должен чувствовать боец в одном вздохе от победы, выживший и уже поверивший в свою удачу, когда его противник, раздавленный и обреченный, вдруг превращается в неодолимую силу, спасения от которой не может быть в принципе?

Что он должен чувствовать, когда небо над ним в один миг становится черным от крыльев и стальным от клинков, которые эти крылья несут. Слишком мало времени для чувств. Тот, кто увидел небо черно-стальным, очень скоро и очень недолго мог видеть только снег, впитавший в себя темно-красную жидкость. Снег под копытами моего коня.

Очень кстати, что литовцы прихватили свою телегу. Бывшим хозяевам она теперь ни к чему – ни к черту у литовцев колдуны. По крайней мере я от них боялся большего. Большого я ожидал и от количества раненых. Рядом с Ярославом на телеге мы погрузили лишь пятерых чернокрылых. Мальчик, несмотря на довольно серьезную рану, предпочел остаться на добытом в бою коне. Данила, тоже обзаведшийся конем, кажется, прирос к подхваченному из рук князя штандарту. С другой стороны – кто-то же должен его держать?

На телегу лег другой штандарт – князя Эдмундоса. Сам князь либо решил лично не участвовать в бою, либо его труп умел здорово прятаться. От двухсот наших бойцов осталось тридцать. Правда, то, что осталось от литовцев, выжалось сплошными дробями: полбойца там, три четверти – здесь...

Мы тронулись, не оглядываясь на мертвых. На обратном пути сделаем всё как полагается. А сейчас – только вперед. Если мы остановимся, сдвинуть с места нас сможет разве что Младшая Хозяйка, собрав в кулак всю свою магию. Погода была тоже совершенно не в восторге от нашего решения продолжать движение. Снег, только что казавшийся всего лишь стайкой робких мушек, уверенно перешел к стадии здоровенных мух и, не останавливаясь, пошел дальше – шмели-переростки мгновенно облепили наш отряд. Вполне возможно, что мы шли на месте. А может, и по кругу.

Можно было смотреть долго и пристально, нельзя было увидеть. Когда снегопад начал понемногу рассеиваться, зрение снова стало полезной функцией. В конце концов у нас появился шанс помолиться. Что еще мы могли, если в ста метрах от нас развевался на ветру флаг князя Эдмундоса. В принципе, сам по себе флаг мог бы нас удивить совсем немного – чего только не привидится после боя. Проблема была в том, что на этот раз рядом с флагом находился сам князь, а за ним отряд несколько больше того, который мы уже имели честь уничтожить. Зато у меня теперь есть ответ на вопрос, где второй отряд улан. И, если я вдруг буду уми-

рать неподалеку от Эдмундоса, у меня появится шанс спросить, кто так щедро сливает информацию...

На языке крутилось слово «дежавю», но было несколько обстоятельств, которые никак не позволяли произнести его вслух.

Впереди, за лесом, возвышались башни, а значит, мы почти дошли до хутора Михайловского.

Отряд, который мне показался «несколько большим», на самом деле раза в два превосходил по численности предыдущий, а от нашего отряда мало что осталось. Даже для того, чтобы спастись бегством.

Эдмундос решил проявить бережливость. Вместо того чтобы тратить стрелы, он решил просто растоптать нас. У него должно было получиться. Даже у сына Эдмундоса, верхом на пони с деревянным мечом в одной руке и деревянным щитом в другой, это должно было получиться.

Низкий гул было почти невозможно услышать за топотом копыт и бряцанием кольчуги. Звук нарастал и, приближаясь, становился всё выше. Наконец его услышали и литовцы. В принципе, всё, что они могли, – это слышать. Еще через мгновение те из них, кому не повезло выжить, – осязали. Так, как можно осязать ливень двухметровых стрел.

Эдмундос лишился своего войска, даже не увидев противника. Я мог утешить князя – если бы он увидел бойцов, способных управляться с трехметровыми луками, – легче ему не стало бы. Врыколаки – гвардия московского царя – могли

сильно озадачить любое войско, просто показавшись. При своем росте они и сами представляли собой замечательную мишень, вот только стрелять по ним уже было некому.

На этот раз тело Эдмундоса можно было не искать, оно было надежно приколото стрелой к земле рядом с тряпчковой, которая недавно была флагом. Сильно хотелось верить, что на сегодня с вооруженными конфликтами покончено. Если я еще раз увижу улан, просто лягу – и пусть меня убивают.

С другой стороны, вспоминая обстоятельства последней встречи с царем московским Порфирием... В конце той нашей встречи в воздухе явственно пахло горелым мясом, причем от меня.

Глава четырнадцатая

Волк, ворон и змей

История убедительно доказывает, что грубое применение силы – наименее эффективный способ достижения результата.

Римский цикл лекций Аттилы «Культурное наследие гуннов»

Есть особый вид уюта. Буря и натиск. Конечно, если ты – часть «бури и натиска», а не того, на что эти двое обрушиваются. Я чувствовал себя очень уютно, пока врыколаки и черные плащи заканчивали превращать ловушку, в которой закончили свои дни Толстиков и две роты королевской стражи, в обычный овраг. На этот раз у подземных жителей не было ни единого шанса. Офицеры Порфирия все сделали обстоятельно. Сначала рукастых выкурили, а потом хладнокровно перебили.

Великий Князь общался из нашей тройки только с Ярославом, но я был не в обиде. Кто я такой, чтобы быть в обиде на царствующую особу, которая к тому же, по какому-то недоразумению, спасла мне жизнь.

Привал был устроен на всякий случай не на поляне. Хотя при уничтожении колонии подземных монстров не пострадал ни один боец, рисковать столкнуться с ними в менее комфортных условиях не хотелось даже врыколакам. Впервые за

долгие дни и еще более длинные ночи я мог уснуть, будучи уверен, что проснусь и утро будет нисколько не хуже вечера. Вот сейчас лягу – и отрублюсь... Нельзя так мечтать: обязательно появится кто-то и все испортит. На этот раз это был Порфирий. Прошу прощения – Великий Князь Порфирий! Вероятно, он решил, что подобрался ко мне незаметно. И это притом, что ходит у нас Князь не один, ходит втроем – с двумя телохранителями-врыколаками. Единственное, что может сделать незаметно врыколак, – это сам кого-то не заметить.

– Ваше Величество?

– Все так же внимателен и осторожен и почти нереально живуч...

Мне не нравится слово «живуч», но, с точки зрения Порфирия, все выглядит именно так... Что же касается осторожности... Сначала приближение Порфирия засек Голубой Дракон, потом Данила, потом Данила сильно ударил меня в бок – и я стал осторожен.

– В последнее время это удается всё труднее, Ваше Величество. Литовцы почти справились... Хотелось бы мне знать, откуда они узнали где нас ждать?

– Литовцы? Вероятно, тот, кто назначил встречу вам, назначил встречу и им...

Хотел бы я уметь оставаться таким же спокойным. Так это Порфирий устроил для нас засаду в виде князя Эдмундоса? Он думает, я так устал, что не вытащу меч из ножен... Что

ж, ради такого дела я могу и не вынимая... Или за время, прошедшее с нашей последней встречи, матушка искупала его в Стиксе?

– И для этого была причина?

Порфирий улыбнулся.

– Алекс, чего тебе сейчас стоило не схватиться за меч? Поверь, я даже рад, что ты жив. Я люблю стабильность. Ты предсказуемо выживаешь и предсказуемо добираешься до цели – это удобно.

Улыбка Порфирия кончилась. Наверное, она мне просто привиделась в сумерках. Жаль, мне не привиделись два врыколака, быть может, тогда и у меня появились бы причины улыбаться...

– Правильно было бы держаться в стороне... – Порфирий решил поделиться со мной особенностями политики по-московски. – Выбирать сторону в зависимости от того, насколько успешно Ярослав пройдет по маршруту? Я не видел в этом смысла. Я предложил Лоретте тот же вариант. Назвал то же место и ту же дату. Рассказал о походе Ярослава. Мне было интересно, как она поступит. Теперь я знаю.

Московский царь сидел рядом со мной. Ему было интересно. Он гадал на кровавой гуще, он хотел быть уверен.

– Я знаю, что всё меняется. Тот, кто сегодня был отважен, – завтра может струсить. Я видел предателей – и каждый из них был когда-то честен. Сильные становятся слабыми, а немощные побеждают богатырей. Сегодня я знаю толь-

ко одно – для меня будет честью поддержать Ярослава. Быть может, позже это окажется ошибкой. Но в любом случае, в этом не будет позора.

Порфирий встал, чтобы уйти так же незаметно, как и пришел, когда я решился на еще один вопрос:

– Великий Князь, но ведь мы не дошли до хутора, и Эдмундос нас ждал довольно далеко от него...

– Не совсем так. Вы вышли точно на то место, где должен был быть хутор Михайловский. Иначе мы просто не смогли бы с вами встретиться. Просто хутора теперь нет: последние годы не самые добрые для небольших селений.

– Князь, я видел башни, мы просто немного не дошли.

– Алекс, под этими башнями я потерял достаточно народу, чтобы понять – лучше обойти. И я не знаю ни что это, ни как туда попасть. Знаю, что раньше здесь такого не было. И поверь: тебе повезло, что ты до них не дошел.

Два дня спустя у Батыевых ворот забила тревогу. Со стороны Днепра к городу тянулся строй – великаны-лучники, странные воины в черных плащах, сомкнутый строй пикинёров и латников... Шли спокойно, вырастая с каждым шагом. Только что казавшиеся игрушечными мечи наливались спокойной уверенностью жадного до чужой крови металла, воздух наполнялся бряцанием брони, и молодого часового на дозорной башне пробил озноб. Ветер вдруг набрал силы и взвил два флага – два брата. Лук с двумя стрелами на изу-

мрудно-зеленом поле и золотой всадник на алом. Герб Киева и герб Москвы вплывали под арку ворот.

От Батыевых до Печерского Замка полчаса шагом. Десять минут верхом. Даже если бы князь Ярослав преодолел этот путь мгновенно – ничего бы не изменилось. Печерский Замок уже был пуст. Княжна Лоретта точно знала, кто подъезжает к стенам под двумя флагами. Тайно Киев покидал князь Ярослав, открыто возвращался Великий Князь.

Линия фронта больше не уродовала город и, что особенно ценно, мою квартиру. Первые несколько дней пиво, домашняя еда и кровать доставляли особенно острое удовольствие. Через несколько дней чувство счастья притупилось, но эта беда была недостаточной причиной, чтобы решить снова отправиться в поход.

Мальчик со своим отрядом решил остаться в Киеве – поселились в гвардейских казармах. Думаю, со временем у Яковлева появится подразделение, которое сможет конкурировать с Костяным отделением. Как я слышал, полковник решил их назвать Черным отрядом. Кажется, что-то такое уже было.

Порфирий гостил в Киеве всего неделю. Была у меня мысль, что несчастный случай с ним пошел бы на пользу и киевской, и московской власти. Почему бы Порфирию не поскользнуться и не упасть откуда-нибудь с высоты. Ну или чтобы что-то с высоты упало на него. Не факт, что его на-

следник будет лучше, но точно знаю: мне было бы спокойнее. Мне не нравились его глаза. Умру – не моргнет, будет так же смотреть, с интересом: как он там – разлагается понемногу?

По счастью для себя и для меня (дабы не было соблазна), развлекался он в Замке. К несчастью же, в перечень развлечений кто-то по недомыслию включил награждение героев. Размениваться на приглашение Ярослав не стал. Просто прислал пару гвардейцев. Помочь. Вдруг я забыл, где находится Печерский Замок. Если бы Данила не разделил со мной это приглашение, мне было бы чрезвычайно тяжело отделаться от ощущения ареста. Кто ходил в компании двух угрюмых вооруженных людей в форме – тот поймет.

Последний раз, когда я подходил к Замковой горе, здесь все было несколько иначе. Тогда виселицы не украшали пейзаж. Вероятно, их наличие должно укреплять уверенность неповешенных в том, что они выбрали правильную сторону. На самом деле, если бы Порфирий выбрал не нас, виселицы все равно появились бы. Кстати, не факт, что состав висящих был бы принципиально другим...

Внутри Замка виселиц не было. Тот, кто строил место обитания киевских монархов, был гением и обошелся без них. Каждый, кто прошел парадные ворота Замка и не был слепым, должен был стать защитником Киевской Короны. По факту пройденного пути. По факту преодоления пятидесяти одной ступени из малахита от ворот до тронного за-

ла. Три марша камня, нанизанных на каркас, выполненный в форме легендарной киевской двойной стрелы, целая стая волков из белого мрамора, поселившаяся на гранитных стенах... Волки гонялись за оленями, отдыхали в тени деревьев, играли друг с другом – и каждый не забывал внимательно изучать любого, поднимающегося по ступенькам.

Когда поднимаешься достаточно высоко, понимаешь, что волки на стенах появились не случайно. Прямо в центре пола, у начала лестницы красуется огромная волчья голова. Если именно в этот момент гость решит покончить с собой с помощью падения – труп упадет в пасть.

Больше, чем волков, в Замке было только гвардейцев. Вероятно, Великий Князь Ярослав просто не любит одиночество. Зря. Одиночество не стреляет из арбалетов, не колет кинжалами. Если бы все гвардейцы, которые находились в Замке, разом щелкнули каблуками... Силы этого звука хватило бы, чтобы вошедший больше не услышал ничего и никогда.

В тронном зале гвардейцев не было. Только десятки бойниц под самым потолком. Если что – оживут жалами стрел. Еще выше, на плафоне (неизвестный гений явил удивительное разнообразие) к волку добавились два персонажа – змей и ворон.

– Если внимательно присмотреться, то видно, что это не волк...

Ярослав, сидящий на троне, был похож на Ярослава, с ко-

торым мы были в походе, не больше, чем я – на своего двоюродного брата, если бы он у меня был. То есть похож, но явно не тот – старше и дальше. Даже если подойти вплотную – все равно далеко. Этот Ярослав как-то с трудом представлялся в роли боевого товарища...

– ...Глаза слишком широко поставлены, морда вытянута слабо, и, по легендам, зверь значительно больше обычного волка...

– И что этот неволк делает здесь в таком количестве? – подал голос Данила.

Вот на что способны полевые условия. Данила – несостоявшийся меч и мой состоявшийся ученик – умудряется в тронном зале перебивать монарха. Кажется, на подходе я заметил парочку пустующих виселиц. Данила меня простит. Даже чуть раньше, чем снова сможет дышать. Точный удар под дых иногда благотворно действует на мыслительные способности.

– Ваше Величество, простите моего ученика, вероятно, болезнь всё еще сказывается...

Еще один удар остановил рвущийся из ученика протест, а заодно выдавил из Данилы слезы. Конечно же, это были слезы раскаяния и благодарности.

Ярослав покинул свой трон. Просто встать с него было бы трудно, приходилось именно покидать его. Трон киевского князя находился не просто в зале, но – в нише. Это было особенно удобно, когда бойницы наверху оживали ливнем

стрел. Выживать в нише было проще.

– Герб Киева – лук с двумя стрелами. На самом деле это не две стрелы, а двойная стрела. Только такой стрелой можно убить этого неволка. Алекс, я тебя удивлю, если скажу, что выковал двойную стрелу и убил зверя некий маг Олекса?

– Маг Олекса много чего наделал. Есть две проблемы, Ваше Величество. Во-первых, я не маг. Во-вторых – не Олекса, а Алекс...

– К тому же ты никогда не делал двойных стрел.

Сегодня Ярослав был догадлив, как никогда. За последнее время по отношению к Олексе у меня накопился определенный негатив. То есть, если он маг той же силы, что и я, лучше ему оставаться за линией горизонта. Вдруг я его увижу и решу совершить марш-бросок. Обычно в конце марш-броска я готов убить любого, из-за кого со мной случилась эта неприятность.

– Проблема в том, что легенда о двойной стреле, о волке и о маге Олексе говорит не о том, что было, а о том, что будет. Тебе ведь это уже знакомо?

У Младшей Хозяйки – чудесный голос. Но мне хватило бы и ее красоты...

Дело не в том, что мне не понравились ее слова. Просто лучше бы они относились к кому-то другому... Еще не помешало бы, чтобы она появлялась как-то более традиционно и ожидаемо. Сгустившееся за спиной Ярослава облако как-то уж очень явно намекало на неполноценность существ, вы-

нужденных попадать на любое возвышение с помощью издевательства над собственными икроножными мышцами.

– Я могла отправить с Ярославом кого угодно, но отправила тебя. Догадываешься, почему?

– Предпочел бы догадываться до того. Капитан Толстиков и его бойцы тоже предпочли бы догадываться. Может, выжили бы...

– Алекс, в отличие от пророчества твоих крылатых друзей, Текст, который хранится у меня, не так подробен. Только что ты узнал почти всё, о чем известно мне.

– А можно добраться и до этого «почти»?

– Ну, если для тебя это так важно...

Разве может быть для меня важно что-то, что относится ко мне?

– Да, для меня это важно.

Хозяйка задумчиво рассматривала что-то, находящееся неподалеку от моего правого уха и явно недоступное для восприятия простым смертным вроде нас с Данилой. По-видимому, из этой точки вот-вот должна была появиться причина, которая позволит и дальше держать Алекса Каховского в полном неведении о его дальнейшей судьбе. Скорее всего, ожидание Младшей Хозяйки затянулось бы, если бы слово не взял монарх:

– Мне тоже было бы любопытно узнать, почему именно Алекс сопровождал меня.

Что-то было в голосе Ярослава. Что-то, что заставило

Младшую Хозяйку поверить, что не стоит здесь и сейчас разочаровывать молодого монарха.

– «Маг Олекса, маг, не знающий своей силы, узнает ее и призовет Змея. Вместе они покорят Ворона. Но на главный бой ему суждено выйти против Волка» – так гласит легенда. Я подумала, что если тебе суждено стать тем самым Олексой – то, скорее всего, ты вернешься из похода живым и невредимым. Значит, и у князя шансы вернуться будут достаточно большими.

Этот зал, Алекс, значительно старше города. После Катастрофы произошел оползень, и гора обнажила свои недра. Оказалось, что свое название – Замковая – гора носила не случайно. Печерский Замок вырос уже потом, его строили вокруг этого зала. Здесь был подписан договор между Коронай и Лысой Горой. Здесь Мокошь передала тогдашней Младшей Хозяйке Текст... Хочется верить, что мне не придется увидеть, как сбывается предсказанное. Но я чувствую: паутинка причин наливается силой событий – и хочешь ты этого или нет, но ты – Алекс, ты – маг, не знающий своей силы... Ты уже повязан по рукам и ногам.

– Великий Князь Московский Порфирий!

Как же вовремя иногда приходят монархи. Я бы с удовольствием сейчас бухнулся на колени и бил челом. Не потому, что вдруг мне так понравился московский царь. Просто хотелось больно удариться головой.

Обошлось без физического воздействия. Всё, что содержалось в сердцевине моего черепа, было в секунду выметено суматохой, которая началась просто из-за того, что в одном месте находились два монарха. Внезапно всё стихло – свита почтительно заняла свое место по стенам зала, а я, к своему удивлению, обнаружил, что нахожусь в центре этого самого зала, к тому же в строю, если можно назвать строем двоих замерших навтыжку гражданских – Данилу и меня.

Дальнейшее скорее походило на день получки, чем на что-то необычное и торжественное. Разве что роль бухгалтера выполнял Ярослав, а кассира – Порфирий. Мешочки с рублями довольно быстро перешли из рук в руки.

Так же быстро, как зал наполнился, – он опустел. Ярослав, Порфирий, Хозяйка – я, Данила и подозрительная бумага в руках у Ярослава. Приятная тяжесть рублей перестала радовать.

Ученик подтолкнул меня и зашептал что-то о том, чего мало для графа де Ла Фер...

– Лейтенант Каховский, рад за вас. Сегодня утром я подписал приказ о вашем назначении на должность капитана королевской стражи.

Хорошенькая перспектива: продолжать жизнь в том же ужасе, который меня преследовал последний месяц! Холод, скверная еда, плохой сон и слишком хорошие драки – этого время от времени не избежать. Начальство – одна из тех бед, которой можно избегать достаточно долго. Монарх в каче-

стве начальника – беда, которая никогда не приходит одна и сама никогда не уходит. Что может быть хуже начальства, которое постоянно пытаются убить, а единственным методом ухода со службы которого является эмиграция?

– Ярослав, посмотри, как Алекс научился владеть собой. Он смог удержаться от вопля восторга – не так ли?

Я давно заметил: Младшая Хозяйка обожает говорить обо мне так, будто я в коме и могу ответить разве что самопроизвольным мочеиспусканием.

– У моего капитана – великолепная выдержка. Это естественно.

– Ваше Величество, ваш капитан куда эффективнее действует, если время от времени отправлять его на вольные хлеба. Поверьте мне. Вы удивитесь, как часто, работая на себя, он будет решать ваши проблемы...

Ярослав не верил и не удивлялся. Он раздумывал над тем, насколько он монарх, если прислушивается к ведьме в таких интимных случаях, как выбор капитана собственной охраны. Выпяченная вперед нижняя челюсть не оставляла никаких шансов. Если бы не Порфирий.

– На вашем месте, князь Ярослав, я бы предпочел быть на некотором отдалении от такого человека, как Алекс. Его повышенная живучесть имеет и обратную сторону – повышенную смертность тех, кто с ним рядом. Алекс, я прав?

Порфирий был прав. Он вообще был прав чаще, чем кто-либо еще. Проблема заключалась в том, что Ярослав просто

обязан был тоже оказаться прав. Князь справился.

– Вероятно, я учел не все факторы. Дело не в Алексе. Дело в том, что война окончена. А раз так, пришло время пополнять, а не опустошать казну. Алекс Каховский обойдется недешево. Теперь, когда у меня есть такие союзники, как Москва, и такие верные подданные, как Младшая Хозяйка, нужна ли мне стража? Я думаю, гвардейцев майора Яковлева для мирного времени будет вполне достаточно.

Ярослав был горд собой. Назвать Младшую Хозяйку верной подданной, да еще так, чтобы она не смогла возразить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.